ВЪ ПРОВИНЦІИ И ВЪ МОСКВѢ

СЪ 1812 ПО 1828 ГОДЪ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРОЖИЛА.

I.

Начинаю мои разказы съ достопамятнаго 1812 года, когда мнѣ было пять лѣтъ. Съ этого приблизительно возраста, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, сохраняются воспоминанія и нерѣдко врѣзываются въ памяти до самой старости сами-по-себѣ маловажныя событія въ жизни. Вотъ и теперь послѣ столь долгаго времени мнѣ живо представляется моя родина, ея мѣстность, обыватели съ ихъ вседневною жизнію и веселыя забавы беззаботнаго младенчества.

Мы жили тогда въ Арзамасѣ, гдѣ отецъ мой служилъ соляным приставомъ. Арзамасъ одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ нашего отечества по благолѣпію своихъ 15 церквей, общимъ городскимъ постройкамъ, числу жителей и по своему внѣшнему благоустройству. Въ то время онъ славился своими кожевенными и сальными заводами и какъ мы учили въ географіи, гусями. Не забудемъ что и извѣстное Карамзинское литературное общество въ началѣ нынѣшняго столѣтія имѣло названіе Арзамасъ. Дворянскихъ фамилій, особенно достаточнаго соотоянія, жило въ городѣ не много; но

купеческое сословіе было богатое. Оно, кромѣ щедрыхъ пожертвованій на городскія нужды, соорудило на свой счетъ огромный и изящно отдѣланный соборъ, который могъ бы служить и въ настоящее время украшеніемъ не только губернскаго, но и столичнаго города. Здѣсь находился и теперь остается отлично устроенный общежительный женскій монастырь, извѣстный тогда во всей Россіи своими золотошвейными издѣліями разной церковной утвари, особенно плащаницъ. Противъ самаго города, за мостомъ черезъ рѣку Тешу, стояло огромное и богатое село Выѣздново, свѣтлѣйшаго князя Салтыкова. Въ немъ, съ принадлежащими тому же помѣщику близь лежащими деревнями, считалось, какъ говорили, до трехъ тысячъ ревизскихъ душъ. Это селеніе казалось другимъ городомъ и дѣйствительно было сильнымъ соперникомъ арзамасскимъ жителямъ по народнымъ ремесламъ и промысламъ. Выѣздновцы, кромѣ торговаго класса, были извѣстные столяры, плотники и каменьщики.

Возлѣ города, расположеннаго на плоской долинѣ, находилась роща Рамзай съ родниковыми прудами, которая была единственнымъ городскимъ гуляньемъ. Впрочемъ домовладѣльцы въ немъ и не нуждались, потому что почти при каждомъ домѣ былъ обширный садъ, въ которомъ кромѣ липъ, березъ, черемухи, находились разныя плодовитыя деревья и кустарники, и между ними почти половина сада занималась грядами для произращенія хозяйственныхъ овощей. На послѣднія обращалось особенное вниманіе хозяекъ, такъ что капуста, огурцы, картофель, рѣпа, морковь, рѣдька и т. л. заготовлялись изъ своего огорода даже для годоваго запаса небольшому семейству. Садоводство и огородничество было у многихъ горожанъ любимымъ занятіемъ и мы, рябятишки, подъ руководствомъ матушки съ величайшимъ удовольствіемъ копали рыхлую для грядъ землю, разбивали ее граблями и сажали разсаду и сѣмена и за это разумѣется вознаграждали себя усерднымъ истребленіемъ ягодъ, яблокъ и овощей, когда они поспѣютъ. Весело намъ было въ саду весной, лѣтомъ и осенью до послѣдняго листа и наступленія холодовъ, а зимой насилу сгонишь со снѣговыхъ горъ, которыя постоянно устраивались на каждомъ дворѣ. Матушкѣ нерѣдко приходилось оттирать наши озябленные носы, уши и щеки.

Кто изъ насъ не припомнитъ счастливые годы младенчества! Какъ жилось весело, не зная тревогъ будущей жизни,

ни горя, ни заботъ! Съ какою радостію мы слушали перваго вѣстника весны — скворца, неизмѣнно являвшагося въ свою знакомую скворешницу, устроенную при каждомъ домѣ. Какъ занимали насъ первая появившаяся травка, цвѣтокъ, бабочка, лѣсня жаворонка въ открытомъ полѣ и потомъ разныхъ птичекъ въ садахъ и рощахъ. Возрожденіе природы отворяло намъ закулоренный на зиму домъ. Бѣжишь, какъ говорится, сломя голову безъ оглядки и не слышишь подъ собою отъ удовольствія ногъ, точно съ цѣпи сорвался, по выраженію старой нянюшки. Но оставимъ эти милыя для насъ воспоминанія и скажемъ какъ жили тогда въ уѣздномъ городѣ наши предки. Здѣсь я оговорюсь напередъ что не буду выдумывать чего не зналъ и говорить за другихъ, чего не слышалъ. Разказъ въ моемъ возрастѣ можетъ относится только къ домашней и внѣшней городской жизни, къ происшествіямъ бывшимъ на моихъ глазахъ и къ подслушаннымъ разказамъ отца, матери или прислуги, разумѣется осмысленнымъ въ послѣдствіи времени и передаваемымъ нынѣ съ нѣкоторыми мыслями позднѣйшихъ лѣтъ жизни.

Сначала скажу о житейской обстановкѣ собственно нашего семейства, съ пятью малолѣтними чадами, по которой можно приблизительно судить и о прочихъ домахъ уѣздныхъ дворянскихъ обывателей, и властей, городничаго, исправника, уѣзднаго судьи и уѣзднаго стрялчаго, такъ какъ отецъ мой занималъ по тогдашнему времени значительную для уѣзднаго города должность, по одной изъ важныхъ статей государственныхъ доходовъ, и, сколько знаю, былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми указанными лицами. Собственный домъ нашъ былъ довольно большой и красивый, съ четырьмя колоннами, балкономъ и большимъ присадникомъ. Стѣны съ обоями, которыя были не оклеены, а прибиты гвоздочками, полы бѣлые безъ окраски, мебель березовая съ ситцевою обойкой, зеркала, столы, шкалы, кровати всѣ простаго дерева, были и картины въ дубовыхъ рамахъ, съ портретами государя, знаменитыхъ полководцевъ и съ разными изображеніями городскихъ, сельскихъ и монастырскихъ видовъ, и даже былъ Аполлонъ съ девятью музами на горѣ Парнассѣ; передніе же подлотолочные углы комнатъ украшались живописными образами съ фольговыми окладами, которые съ необыкновеннымъ изяществомъ дѣлались въ упо-

мянутой мною общинѣ. Въ залѣ стоялъ теперь уже давно забытый гармоническій инструментъ, гусли*, на которыхъ игралъ отецъ нашъ и мы зачастую подъ эту музыку подплясывали съ гамомъ и крикомъ. Но не красна изба углами, а красна пирогами. Въ самомъ дѣлѣ, изба наша, по тогдашней баснословной для современниковъ дешевизнѣ на всѣ жизненныя потребности, была по нашему состоянію полная чаша, и мы имѣли всѣ хозяйственные запасы, какіе въ то время знали и употребляли, и притомъ запасы не временные или ежедневные, какъ водится нынѣ, а почти годовые. Погребъ наполненъ былъ кадками солонины, капусты, огурцовъ, разныхъ соленій; внутренній подвалъ съ затворомъ, въ самой задней комнатѣ, въ который спускались по лѣстницѣ, заключалъ въ себѣ зарытыя въ пескѣ овощи, зелень, плоды, варенье, масло, яйца, наливки и какія-нибудь очень дешевыя донскія вина, а наружный чуланъ въ той же комнатѣ наполненъ былъ мукой, крупами, разными принадлежностями для стола и сухими лакомствами. Матушка, со связкой ключей, ходила туда и сюда и конечно мы не отставали отъ нея, особенно если замѣтимъ приближеніе къ чулану, гдѣ уже навѣрное выпросимъ гостинецъ. Столъ нашъ былъ простой, но сытный, обыкновенно изъ трехъ блюдъ, съ прибавленіемъ неизмѣнныхъ пироговъ, ватрушекъ или масляныхъ печеній. Посты и постные дни въ недѣлѣ соблюдались строго. Во время постовъ, въ случаѣ торжественныхъ дней Императорской фамиліи, матушка посылала къ своему духовнику, приходскому священнику, съ вопросомъ нельзя ли покушать рыбы и всегда получала разрѣшеніе. Во всѣ праздничные дни непремѣнно ходили въ церковь на богослуженіе, и до окончанія обѣдни намъ не давали ни пить, ни ѣсть. Одежда и обувь у всѣхъ были очень не затѣйливы. Для ежедневной носки намъ большею частью перешивали костюмы изъ стараго платья отца или матери, да и у нихъ былъ незавидный гардеробъ, тогда не знали столь разнообразныхъ какъ въ настоящее время одѣяній и тѣмъ болѣе предметовъ роскоши. Шуба и шинель, салопъ зимній и лѣтній, фракъ, скорѣе камзолъ, сюртукъ, женскія платья изъ двѣнадцати или четырнадцати аршинъ матеріи, шаль, платки и нѣсколько нитокъ

* Въ родѣ фортепіано, но безъ клавишей; по струнамъ играли пальцами.

жемчуга составляли почти все богатство чиновнаго быта. При крѣпостномъ правѣ отецъ мой владѣлъ тридцатью ревизскими душами, но и изъ этого маленькаго имѣнія кромѣ хлѣба, крупъ, живности, получался холстъ и какое-то сермяжное сукно. Кухарка, портной, сапожникъ и комнатныя дѣвушки были всѣ свои доморощенныя. Изъ холста дѣлали набойку для платьевъ, изъ сукна шили кафтаны и казакины. Ситцевыя платья и сюртуки изъ другаго сукна надѣвались только въ праздничные дни и когда бывали гости. Сапоги или башмаки изъ тогдашнихъ кожевенныхъ матеріаловъ сошьютъ такъ что ихъ доставало съ починкой и на годъ. Скажу теперь объ образѣ тогдашней семейной жизни. Вставали рано, въ 6 и поздно въ 7 часовъ. Пили чай и когда отецъ уѣзжалъ въ свои соляные амбары, начинались обычныя ежедневныя занятія домочадцевъ, а матушка, управившись по кухнѣ, съ дѣвушками плела кружева, побрякивая коклюшками. Обѣдали обыкновенно не позднѣе часа, послѣ обѣда отдыхали, потомъ, смотря по времени года, гуляли въ саду, возвращались къ вечернему чаю или отправлялись послѣ окончанія отцомъ счетовъ съ соляными промышленниками и возчиками въ гости, а въ другой день ожидали къ себѣ гостей. Эти очередныя между уѣздными чинами вечеринки не требовали значительныхъ расходовъ по простотѣ запасныхъ продуктовъ и при употребленіи съ чаемъ кизлярской водки, а при закускѣ ерофеича и наливки. Играли въ забытую нынѣ, умную карточную игру бостонъ, но о какихъ-либо значительныхъ выигрышахъ или проигрышахъ и помину не было. Само собою разумѣется что въ большіе праздники и особенно въ именины были и необыкновенныя угощенья, особенно у купцовъ. Отъ нихъ, говорили, нельзя уже было выдти на ногахъ и многихъ гостей развозили по домамъ. Какъ не угодить золотому тузу, который подчасъ вамъ можетъ въ нуждѣ и не забудетъ прислать въ извѣстные годовые дни и именины приличные подарки. Въ то время какихъ-либо общественныхъ городскихъ собраній не существовало, но за то отдѣльно въ каждомъ домѣ съ настойчивостью сохранялись старые обычаи во всѣ годовые праздники.

Весной съ наступленіемъ теплой погоды начинались праздничныя гулянья въ Рамзаевской рощѣ, съ качелями, палатками, разными лакомствами и народными пѣснями и плясками. Насъ водили на эти гулянья, отстоящія отъ дома не

болѣе версты, особенно въ Семикъ посмотрѣть на завиваніе изъ новой зелени растеній дѣвушками и юношами вѣнковъ, которые они надѣвали на головы въ хороводахъ съ особыми народными обрядами.

Но самое замѣчательное и веселое гулянье было въ Троицынъ день въ рощѣ Утѣшинѣ за Выѣздновскимъ селомъ. Туда стремился весь Арзамасъ, какъ Москвичи 1го мая въ Сокольники. Влекла туда горожанъ не одна обыкновенная обстановка всѣхъ народныхъ гуляній, а главное любопытство увидать Выѣздновцевъ въ ихъ годовой праздникъ. И дѣйствительно, стоило посмотрѣть. Дѣвушки и молодицы, по общему отзыву, отличались своею миловидностію и красотою, молодцы крѣпостію и отвагой, а затѣмъ платьями. Женщины въ парчевыхъ и шелковыхъ русскихъ сарафанахъ, съ жемчужными нитками на шеѣ, съ блестящими шелковыми повязками на головѣ, съ заплетенными въ лентахъ длиннѣйшими косами, въ вышитыхъ узорчатыхъ башмачкахъ, были, какъ говорили арзамасскіе джентльмены, обворожительны. Мущины въ бархатныхъ или плисовыхъ полукафтаньяхъ или лоддевкахъ съ серебряными луговицами, въ шелковыхъ рубашкахъ и шароварахъ, въ длинныхъ лаковыхъ салогахъ и шляпахъ украшенныхъ со всѣхъ сторонъ павлиными перьями. Представьте себѣ эту разряженную, разнообразную толпу, перемѣшанную попарно въ хороводахъ, въ ясный теплый вечеръ, среди рощи, съ веселыми, звонкими, увлекательными по своему напѣву народными пѣснями, и вы не удивитесь что тогдашнее общество было въ восторгѣ отъ этой живой картины, особенно когда среди хоровода избранная дѣвушка и молодецъ съ шелковымъ платкомъ въ рукахъ дѣлаютъ ловкія движенія, сообразно содержанію пѣсни, а въ концѣ оной увидишь ухарскій плясъ, въ которомъ молодежь съ увлеченіемъ выказываетъ все свое искусство, конечно имѣя въ виду нравиться и не одной публикѣ. Долго длилось гулянье и едва не утренняя заря заставляла посѣтителей возвратиться домой съ самыми пріятными впечатлѣніями. О нарядахъ я не выдумываю и могу сослаться на живущихъ еще очевидцевъ, которые подробно разказывали объ этомъ праздникѣ. Зажиточность крестьянъ была извѣстна и послѣ бѣдственнаго 1812 года. Нѣкоторые изъ нихъ взносили помѣщику огромныя для того времени суммы за отпускныя, по которымъ

они записывались въ купечество и вели значительную торговлю по разнымъ губерніямъ. Въ настоящее время ничего подобнаго нѣтъ, какъ я самъ увидѣлъ назадъ тому шестнадцать лѣтъ. Быстрое развитіе промышленности въ другихъ болѣе удобныхъ мѣстностяхъ, совершенно новое торговое движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, обходящимъ Арзамасъ, раздѣлъ до мелочности капиталовъ между наслѣдниками и другія событія, измѣнившія матеріальный и нравственный бытъ народа, лишили Арзамасъ и Выѣздново прежняго ихъ значенія. Теперь неизвѣстный въ началѣ настоящаго столѣтія какой-нибудь Козловъ стоитъ по своимъ торговымъ оборотамъ гораздо выше прежняго Арзамаса.

Затѣмъ нельзя не сказать о двухъ особенныхъ арзамасскихъ, неслыханныхъ нынѣ, безобразныхъ увеселеніяхъ; одно относилось къ высшему, а другое къ низшему сословію жителей,—о боѣ гусей и кулачномъ боѣ. Любители гусинаго боя вызывали другъ друга на закладъ. Въ назначенное время и мѣсто привозились съ обѣихъ сторонъ по два и по три избранныхъ гуся, въ разноцвѣтныхъ лентахъ на шеяхъ и даже на крыльяхъ и хвостахъ; затѣмъ выпускали ихъ съ противоположныхъ сторонъ и стравливали извѣстными охотникамъ способами. Бой оканчивался не только пораженіемъ, но большею частію смертію птицы, заклеванной и избитой своимъ пернатымъ соперникомъ. Послѣ конечно слѣдовала лолойка на счетъ закллада. Для кулачнаго боя, лодъ вечерокъ въ праздники, по составленнымъ заранѣе условіямъ, собирались около широкаго моста раздѣлявшаго городъ отъ села, съ одной стороны Арзамасцы, а съ другой Выѣздновцы. Общій уговоръ—не бить по головѣ, особенно въ лицо и лежачаго, руки имѣть въ рукавицахъ и ни подъ какимъ видомъ не класть въ нихъ какой-либо тяжелой вещи; нарушители этого правила больно платились своими боками и даже мордами. Сначала пускали впередъ, какъ бы застрѣльщиковъ, мальчишекъ. За ними мало-по-малу группировались болѣе взрослые, но главная партія противниковъ оставалась въ резервѣ, особенно извѣстные по своей силѣ и искусству бойцы. Наконецъ бой въ разгарѣ; то та, то другая сторона усиливается, гонитъ толпу и въ это время когда побѣда кажется несомнѣнною для одной стороны, выходитъ какой-нибудь атлетъ Кузька или Ванька и подъ его медленнымъ, разчитаннымъ

ударомъ ладаютъ бойцы какъ снопы. Толпа быстро отступаетъ, бѣжитъ и встрѣчаетъ своего атлета Степку или Гераську, который останавливаетъ бѣгущихъ, собираетъ около себя болѣе храбрыхъ, ведетъ ихъ опять впередъ въ атаку и встрѣчается съ своимъ страшнымъ соперникомъ. Тутъ общее вниманіе сосредоточивается на ихъ схваткѣ; пораженіе одного производитъ паническій страхъ въ его союзникахъ, несмотря на кратковременныя выходки еще нѣсколькихъ крѣпкихъ бойцовъ, старающихся осаривать побѣду; но имъ бываетъ плохо, потому что толпа восторженная побѣдой своего предводителя съ большею энергіей бьетъ сопротивляющихся, изъ которыхъ нѣкоторые перелѣтали даже за перила моста въ воду или снѣгъ. Проигравшіе битву для будущаго боя дѣлаютъ новыя совѣщанія и выборъ болѣе сильныхъ и надежныхъ бойцовъ: надобно же отмстить, чтобъ и на ихъ улицѣ былъ праздникъ. Такъ или почти такъ продолжались кулачные бои въ Арзамасѣ. Мѣстныя власти кажется смотрѣли на этотъ дикій обычай сквозь пальцы, не имѣя вѣроятно въ виду положительныхъ предписаній начальства, а можетъ-быть и сами изподтишка были зрителями подобныхъ побоищъ, тѣмъ болѣе что многія значительныя въ городѣ лица, поборники старины, считали эти забавы весьма полезными для развитія и поддержанія физической силы и воинственныхъ наклонностей народа. Да и мудрено было арзамасскому градоначальнику, т.-е. городничему, справиться при помощи какихъ-нибудь 10 или 15 будочниковъ и даже полной *инвалидной* команды въ 30 или 40 человѣкъ со сборищемъ бойцевъ, которое, кромѣ подзадоривающихъ ихъ многочисленныхъ зрителей, простиралось, по словамъ очевидцевъ, до 500 человѣкъ. Нельзя упрекнуть Арзамасцевъ въ описанныхъ забавахъ. Кулачные бои держались и въ Москвѣ около фабрикъ даже въ двадцатыхъ годахъ, а медвѣжья травля за Рогожскою заставой, на которую сбирались не одни простолюдины, а купечество и дворянство, еще недавно прекращена.

Изъ этого краткаго обзора постоянной жизни Арзамасцевъ можно вывести заключеніе что при дружественныхъ отношеніяхъ городскихъ сословій и административныхъ властей, здѣсь были по общему выраженію все тишь да гладь, да Божья благодать. Можетъ-быть въ иныхъ случаяхъ и пробѣгала среди дѣйствующихъ лицъ, какъ говорится, черная

кошка, но непріятное столкновеніе не могло быть продолжительно. Здѣсь миротворцемъ, по словамъ матушки, всегда являлся уѣздный стряпчій Зѣвакинъ, съ семействомъ котораго мы въ особенности были дружны. Это былъ, какъ всѣ говорили, умная для своего времени голова; безъ его совѣта въ значительныхъ городскихъ дѣлахъ ничего не начиналось и не оканчивалось. Жена его, Александра Андреевна, была воплощенная доброта и въ полномъ смыслѣ русская хозяйка. У Зѣвакиныхъ было четыре или пять дѣтей, нашихъ сверстниковъ, и мы весьма часто бывали у нихъ съ матушкой, гдѣ ожидала насъ не только веселая компанія, но и обильное угощеніе. Хозяйка съ какимъ-то особеннымъ усердіемъ кормила насъ своими домашними произведеніями, устраивала наши игры, сама съ материнскою любовію принимала въ нихъ участіе и ласкала и бранила насъ, оставивъ о себѣ такое благодарное воспоминаніе, которое сохранилось у меня и до настоящаго времени. Всѣ дѣти Зѣвакиныхъ, при нашемъ ничтожномъ тогда образованіи, какъ говорится, вышли въ люди. Сыновья занимали значительныя должности, дочери были замужемъ и одна изъ нихъ, М. С. Жукова, заслужила своими сочиненіями общее одобреніе въ нашей литературѣ.

Передавая всѣ эти впечатлѣнія младенческаго возраста, я далекъ отъ мысли что тогда въ уѣздномъ нашемъ городѣ была какая-то блаженная Аркадія. И здѣсь въ старомъ времени, безъ сомнѣнія, иногда разыгрывались, недоступныя для нашихъ лѣтъ, свои матеріальныя и душевныя страсти, возбуждая борьбу и во внѣшней и внутренней жизни семействъ, оправдывая слова поэта:

Ни что не ново подъ луною:
Что было, есть, то будетъ въ вѣкъ,
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ.
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.

Отъ этихъ-то вѣщихъ стиховъ мы и обратимся къ разказамъ объ Арзамасѣ въ нашу Отечественную войну въ 1812 году. Грозная туча пронеслась надъ Россіей, быстро замѣнившись яснымъ и славнымъ для нея днемъ; она не прошла безслѣдно и для отдаленнаго отъ военныхъ событій Арзамаса

Еще съ 1811 года, по объясненію матушки, небывалая въ нашей солнечной системѣ по величинѣ комета возбуждала въ народѣ суевѣрное предвѣщаніе большой войны; но съ исчезновеніемъ этой незванной гостьи, умы успокоились и все вошло въ обычный порядокъ; съ наступленіемъ весны 1812 года, смутные слухи и газетныя извѣстія о непріязненномъ отношеніи къ Россіи Французскаго императора стали болѣе и болѣе подтверждаться и лѣтомъ дошла и въ Арзамасъ страшная вѣсть о вступленіи непріятеля въ предѣлы Имперіи. Въ низшихъ сословіяхъ немедленно возникла мысль о собственной защитѣ. Такъ Выѣздновцы выставили на мосту взятыя отъ барскаго дома пушки и приготовили свои охотничьи ружья, говоря что не дадутся живые въ руки. Хотя благоразумные люди и вразумляли подобныхъ патріотовъ что нѣтъ никакого вѣроятія чтобы непріятель дошелъ до Арзамаса, но они плохо знали географію и вѣрили и въ невозможное. По пословицѣ, у страха глаза велики; но не здѣсь многимъ изъ нихъ суждено было показать свою храбрость и погибнуть за отечество, а далеко отъ своей родины. Вскорѣ пришелъ высочайшій манифестъ о всеобщемъ государственномъ ополченіи, съ наборомъ одного изъ 10 ревизскихъ душъ. Этотъ небывалый наборъ потребовалъ громадныхъ пожертвованій и людьми и деньгами на обмундированіе и содержаніе ратниковъ, какъ тогда называли ополченцевъ. А сколько тутъ было горя и сколько пролито слезъ и говорить нечего. Представьте себѣ что изъ 3.000 ревизскихъ душъ села Выѣзднова съ его деревнями слѣдовало поставить 300 человѣкъ ратниковъ. По словамъ родителей моихъ, управленіе, по волѣ ли помѣщика или по собственному желанію, выставило молодцовъ, на которыхъ любо было глядѣть, когда ихъ нѣсколько дней водили въ рекрутское присутствіе, разумѣется съ ужасающимъ воемъ матерей, женъ, сестеръ и другихъ близкихъ родныхъ. Ополченія формировались по уѣздамъ. Въ Арзамасъ пріѣхалъ князь Лобановъ-Ростовскій для осмотра ратниковъ и я видѣлъ ихъ уже вполнѣ обмундированныхъ, стоявшихъ на улицѣ въ стройныхъ рядахъ, въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ ранцами на спинѣ, въ киверахъ съ крестомъ и съ пиками въ рукахъ. Они вышли по назначенію скоро, а вслѣдъ за ними проходили чрезъ Арзамасъ полки казаковъ. Какъ теперь гляжу на нихъ. Тутъ были и старики съ большими бородами и юноши-лѣтъ

шестнадцати и семнадцати; ополченіе ихъ было поголовно, кто только могъ носить оружіе. Послѣ ихъ проходилъ щегольской Уфимскій гусарскій полкъ, квартировавшій гдѣ-то въ уѣздѣ. При выходѣ его и притомъ на войну поговаривали что много было пролито женскихъ слезъ, и сколько было сердечныхъ потрясеній, сколько разрушенныхъ ожиданій и надеждъ въ будущемъ! Затѣмъ, по порядку природы, все начало стихать въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Извѣстія приносимыя *Московскими Вѣдомостями*, единственною газетой получавшейся въ Арзамасѣ, были грустныя: русская армія все отступала. Предположеній и въ глуши уѣзднаго города было множество, всѣ судили и рядили, обвиняя разумѣется вождей арміи, и въ послѣдствіи послышалось слово „измѣна“. Назначеніе русскаго генерала Кутузова главнокомандующимъ арміей было принято восторженно и тогда ходило по рукамъ четверостишіе вѣроятно арзамасскаго произведенія:

Барклай де-Толли
Не ретируйся болѣ.
Прибылъ Кутузовъ
Рѣзать Французовъ.

Въ то же почти время пришла первая радостная вѣсть о побѣдѣ Русскихъ подъ командою князя Витгенштейна надъ Французами подъ Полоцкомъ и стихи:

Хвала, хвала тебѣ герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой.

Излишне будетъ говорить какое во всемъ нашемъ отечествѣ произвела влечатлѣніе вѣсть о вступленіи непріятеля послѣ Бородинской битвы въ первопрестольную столицу, нашу матушку Москву, разрушенную потомъ пожарами и грабежами. Но затѣмъ быстро слѣдовало извѣстіе объ оставленіи непріятелемъ Москвы, объ истребленіи и наконецъ о совершенномъ изгнаніи его почищъ изъ предѣловъ Имперіи русскою арміей подъ предводительствомъ Кутузова; а потому имя его навсегда сохранится въ памяти благодарнаго потомства; онъ какъ бы то ни было въ три мѣсяца исполнилъ обѣтъ императора не положить оружія доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ Россіи. Народъ ликовалъ, благословляя въ благодарственныхъ молебствіяхъ Бога сокрушителя браней. Вскорѣ начали появляться въ Арзамасѣ партіи плѣнныхъ изъ

разноплеменныхъ народовъ, которые отсылались въ отдаленныя губерніи; ихъ сопровождали ополченскіе ратники, безъ сомнѣнія мало способные для укомплектованія дѣйствующей арміи. Въ Арзамасѣ плѣнные должны были имѣть отдыхъ и получать по случаю наступленія зимняго времени теплую одежду для дальнѣйшаго слѣдованія. Я слышалъ послѣ отъ матушки что тогда отъ правительства назначено было выдавать плѣннымъ офицерамъ овчинныя шубы и солдатамъ полушубки со всѣми другими принадлежностями зимней одежды. Но не такъ распоряжались исполнители этого человѣколюбиваго повелѣнія. Они распредѣлили деньги между собою по рукамъ, съ небольшими исключеніями въ пользу тѣхъ кому слѣдовало ихъ выдать. Въ такое смутное время, особенно въ такомъ отдаленномъ краѣ, никто не думалъ бояться преслѣдованія правосудія. Начальникъ по этой обмундировкѣ на предостереженіе благонамѣренныхъ лицъ отвѣчалъ что подъ нимъ полъ крѣпко держится и онъ не провалится. Но человѣческія предположенія не сбылись, и вѣроятно по доносу произведено было слѣдствіе. Виновники преданы суду и главный изъ нихъ прежде суда человѣческаго подвергся суду Божію: онъ умеръ послѣ тяжкихъ болѣзненныхъ страданій, подъ судомъ, съ отобраніемъ всего имущества. Плѣнные размѣщались по домамъ обывателей и получали на ихъ счетъ харчи. Въ нашемъ домѣ было до 25 такихъ постояльцевъ. Жалко было глядѣть на этихъ изнуренныхъ, болѣзненныхъ и оборванныхъ людей, и на жестокое обращеніе съ ними ратниковъ, которые тупыми концами своихъ пикъ били ихъ за всякую малость. Что же было въ дорогѣ, внѣ жилыхъ мѣстностей, особенно съ отстающими больными, извѣстно одному Богу. Очень помню, какъ эти бѣдные страдальцы повторяли выученныя ими слова: „хлѣба, соли“. Сердобольная матушка старалась сколько возможно ихъ накормить; но не утерпѣла въ простотѣ своего сердца сказать: Злодѣи, зачѣмъ вы къ намъ зашли, что вамъ не сидѣлось дома? На это одинъ изъ плѣнныхъ, вѣроятно Полякъ, отвѣчалъ довольно правильнымъ русскимъ произношеніемъ: „А если вашъ царь велитъ своимъ солдатамъ идти куда бы ни было, то развѣ они не пойдутъ“. Противъ этого отвѣта не можетъ быть возраженій ни въ какое время. Война—дѣло государственное, а не народное; народы не воюютъ. Нѣкоторые плѣнные офицеры по болѣзни или по другимъ уважи-

тельнымъ причинамъ долго оставались въ Арзамасѣ и понимали достаточно русскій языкъ. Послѣ взятія Парижа вздумали ихъ поддразнивать изподтишка: Парижъ прослали. Сначала они отмалчивались, но потомъ нашли равномѣрный отвѣтъ: а вы Москву прослали; значитъ поквитались.

II.

Послѣ этихъ городскихъ воспоминаній обращусь къ тому времени когда посадили меня за ученье. Въ нравственныхъ наставленіяхъ сказано: корень ученія горекъ, но плоды его сладки. Это правда. Дѣйствительно, горько было засѣсть неподвижно по крайней мѣрѣ на два часа за столъ съ указкою въ рукѣ и долбить непонятные и неосмысленные знаки буквъ грамоты. Тогда еще не имѣли понятія о нынѣшнихъ методахъ первоначальнаго обученія дѣтей, и не употребляли заманчивыхъ для дѣтей рисунковъ и картинокъ. Старшая сестра * начала уже учиться прежде, а потому учитель, изъ городскихъ діаконовъ, сажалъ сестру съ одной стороны для занятія письмомъ и ариѳметическими задачами, послѣ выслушаннаго урока изъ Закона Божія, а меня съ братомъ съ другой стороны для изученія азбуки. Вотъ я и твердилъ сначала по порядку, а потомъ врозь: азъ, буки, веди и т. д., въ слогахъ: буки, азъ ба-ба, веди, азъ ва-ва и т. д., въ цѣлыхъ словахъ: азъ—Ангелъ, Архангельскій, буки—Богъ, Богородица, Вѣди—Владыка, Владычица и т. д. Къ нашему счастію учитель былъ молодой человѣкъ, кроткій и терпѣливый; одно не нравилось намъ, что никогда не пропускалъ урока, и непремѣнно высиживалъ до опредѣленнаго времени утромъ и вечеромъ. Но мы его очень любили потому что онъ снисходительно смотрѣлъ и на нашу лѣность и частію на невниманіе къ его урокамъ: лостращаетъ сказать отцу и не скажетъ, а иногда шепнетъ втихомолку матушкѣ, ну она побранитъ, тоже погрозитъ сказать отцу, схватитъ за волосы, а я въ тотъ же моментъ заверчусь волчкомъ, и слѣдовательно таски нѣтъ. Матушка дастъ подзатыльника, тѣмъ все и кончится; а затѣмъ также пойдетъ кормить пирогами замучившихся отъ ученья дѣтокъ. Не подумайте что мать

* Мой старшій братъ и сестра умерли, и насъ осталось трое.

наша, изъ хорошаго дворянскаго семейства, не понимала значенія грамотности и была въ этомъ отношеніи подобна матери Митрофанушки въ комедіи *Недоросль*, она и сама училась также почти какъ и мы, но вспоминая тоже свои младенческіе года во время ученія и по материнскому чадолюбію добродушно смотрѣла и на наши недостатки. Отецъ, испытавшій строгія наказанія въ народныхъ училищахъ Екатерининскаго вѣка, иначе посмотрѣлъ бы на это дѣло. Скажу здѣсь кстати что по разказамъ матушки, въ ея время, во многихъ, особенно купеческихъ домахъ не учили дѣвушекъ писать, потому де что въ этомъ нѣтъ имъ надобности, а выучившись пожалуй будутъ по глупости переписываться съ кѣмъ не слѣдуетъ. Какъ бы то ни было, но въ два года я зналъ наизусть краткую священную исторію, краткій катихизисъ, умѣлъ порядочно читать и писать по начальнымъ правиламъ грамматики, разрѣшалъ задачи четырехъ правилъ ариѳметики и именованныхъ чиселъ и даже имѣлъ нѣкоторое понятіе о русской географіи. Въ началѣ 1815 года отецъ мой былъ перемѣщенъ на службу въ Нижній-Новгородъ, и въ началѣ весны, послѣ деревенскихъ посѣвовъ, тронулись мы въ путь на своихъ крѣпостныхъ лошадяхъ съ ломѣщичьимъ кормомъ. Обозъ со всѣмъ домашнимъ складомъ пошелъ впередъ, а мы съ частію прислуги ѣхали въ двухъ повозкахъ на тройкахъ. Переѣздъ въ разстояніи ста пяти верстъ, какъ говорится, на долгихъ, безъ перемѣны лошадей, совершился почти въ двое сутокъ. Ночлегъ мы имѣли у общаго любимца и арзамасскихъ и нижегородскихъ чиновниковъ и ломѣщиковъ, Ленткета, въ сельцѣ его Волчихѣ. Это была замѣчательная личность какъ по своему русскому добродушному гостепріимству, такъ особенно по чрезвычайному случаю возведшему его въ званіе дворянина и ломѣщика. Находясь на службѣ въ гвардіи унтеръ-офицеромъ, онъ по особенному случаю, стоя при дворцѣ на карауле, обратилъ на себя вниманіе императора Павла I, который, произведя его въ офицеры, пожаловалъ ему сто душъ крестьянъ. Молодой человѣкъ, не имѣющій никакого состоянія, воспользовался этимъ неожиданнымъ для него событіемъ и вѣроятно не имѣя дальнѣйшихъ честолюбивыхъ замысловъ и зная что счастье коловратно, подъ благовиднымъ предлогомъ вышелъ въ отставку, женился и жилъ въ своемъ имѣніи не только спокойно, но по тогдашнимъ понятіямъ

роскошно. Въ то время владѣтель ста душъ считался весьма достаточнымъ ломѣщикомъ. Итакъ здѣсь, въ деревянномъ, со всѣми удобствами расположенномъ домѣ, насъ накормили, напоили и положили спать. Съ утреннею зарей отправились въ дорогу и вечеромъ пріѣхали въ Нижній, въ квартиру заранѣе нанятую для насъ на Печерской улицѣ. Первый визитъ мы получили отъ возвращавшихся въ 9 часовъ изъ театра двухъ молодыхъ барышень, нашихъ тетушекъ. Поглядѣвъ и осмотрѣвъ ихъ, я сдѣлалъ заключеніе что онѣ по своему наряду, разговорамъ и обращенію съ нами, отличались отъ арзамасскихъ барышень, и послѣдующія затѣмъ посѣщенія дѣдушки, бабушки и молодыхъ дядюшекъ убѣдили меня что мы начинаемъ жить среди другихъ людей и въ иной, губернской обстановкѣ. Дѣйствительно, Нижній поразилъ меня своими живолисными видами послѣ Арзамаса съ его мутною рѣкой Тешой. Городъ расположенъ при сліяніи двухъ самыхъ главныхъ рѣкъ въ европейской Россіи, Оки и Волги. По этому случаю еще въ недавнее время былъ возбужденъ вопросъ: Ока ли владаетъ въ Волгу, или Волга въ Оку. Кажется этотъ вопросъ порѣшенъ въ пользу матушки Волги, какъ величаютъ ее въ народной пѣснѣ. Замѣчательно только то что при сліяніи этихъ рѣкъ, вода ихъ рѣзко отличается одна отъ другой на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Окская вода, омывающая берега Нижняго, гораздо бѣлѣе воды волжской на противоположной сторонѣ, та отличается синеватымъ цвѣтомъ. Въ концѣ мая вода еще не спала, и видъ изъ стараго Нижегородскаго кремля, который никакъ не менѣе, если не болѣе Московскаго, на луговую сторону Волги можетъ всегда назваться однимъ изъ лучшихъ по теченію Волги. Видъ этотъ бываетъ еще пріятнѣе, когда громадное скопленіе воды въ водополье придетъ въ обыкновенный свой уровень. Тогда вы увидите безъ всякихъ оптическихъ, искусственныхъ пособій, на пространствѣ десяти и двадцати верстъ, цѣлую панораму, состоящую изъ селъ, деревень, лѣсовъ, рощей, полей съ ихъ зеленѣющими хлѣбами, а внизу безпрерывное движеніе барокъ, съ веселыми а чаще грустными возгласами и напѣвами бурлаковъ тянущихъ противъ теченія лямку. * Теперь этотъ тяжкій народный

* Заводится на лодкѣ якорь на извѣстное разстояніе и бросается въ воду. Къ прикрѣпленному къ этому якорю канату прицѣпляют-

трудъ замѣнили нежданные и негаданные тогда пароходы, везущіе за собой по три, по четыре и по пяти баржей безъ всякихъ человѣческихъ усилій. Заговоривъ о водѣ надо сказать и о сушѣ. Въ кремлѣ находится на самой площади одна изъ древнихъ церквей, во имя Архангела Михаила, близкое подобіе московскому храму Спаса на Бору; а на противоположной сторонѣ городской Преображенскій соборъ, въ которомъ гробница незабвеннаго русскаго гражданина Минина. Въ этомъ же мѣстѣ были и всѣ присутственныя мѣста, полицейское управленіе, казармы и весьма много частныхъ обывательскихъ домовъ, которые въ послѣдствіи при новомъ устройствѣ города были снесены. Главныя улицы прямы и обстроены красивыми одноэтажными деревянными домами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ каменныхъ общественныхъ зданій, въ томъ числѣ и губернской гимназіи. Мостовыя и тротуары деревянные, изъ вдоль положенныхъ толстыхъ досокъ, и ѣдешь по нимъ какъ по полу. При изобиліи тогда лѣса чего же лучше. Городъ по своему мѣстоположенію раздѣлялся на двѣ части: Верхній и Нижній Базары; первый, нагорный, населенъ былъ преимущественно дворянами и чиновниками, а второй, по крутымъ спускамъ изъ булыжнаго камня, чрезъ кремль, гдѣ даже тормозили экипажи, располагался по набережной Оки, съ каменными домами купеческаго сословія. Въ извилистыхъ, худо мощенныхъ переулкахъ стояли плохіе деревянные домишки съ наброшенными дощечками вмѣсто тротуаровъ. Подобныя строенія, со сгущеннымъ бѣднымъ населеніемъ, въ особенности помѣщались по горѣ за кремлемъ, въ нѣсколько рядовъ снизу до верху, и съ берега рѣки представляли наблюдателю оригинальный видъ, какъ бы швейцарскихъ хижинъ. Когда бывало пойдешь по этимъ нагорнымъ улицамъ, то дивишься какъ эти домики держатся на крутизнѣ и не повалятся внизъ со всѣми своими подпорками, кто же тутъ жилъ и какъ жилъ, конечно я не имѣлъ и не могъ имѣть понятія. * На Нижнемъ Базарѣ былъ гостиный рядъ, оптовые склады, пристани съ

ся кожаные ремни въ родѣ хомутовъ, которые надѣваются чрезъ плечи рабочими для тяги барки впередъ; въ случаѣ мелководья употребляются еще и лошади съ берега, около котораго идетъ барка.

* Всѣ эти жилища сгорѣли отъ страшныхъ пожаровъ, и теперь на этомъ мѣстѣ прекрасный тѣнистый паркъ.

обширными строеніями для выгрузки и нагрузки товаровъ, а далѣе находились соляные амбары. Они расположены были по высокой заросшей деревьями и кустарниками горѣ въ три яруса, такъ что третій ярусъ стоялъ по крайней мѣрѣ на двадцать и болѣе саженъ отвѣсной высоты. Изъ этихъ амбаровъ въ продолженіе года отпускались милліоны пудовъ соли для продовольствія населенія сѣверной части Россіи, и для этой цѣли учреждена была въ Нижнемъ особенная такъ-называемая солевозная коммиссія. Барки съ солью подходили по возможности къ берегу, отъ котораго настилались на подставкахъ доски съ небольшими стуленьками для переноса соли въ амбары. Не могу не сказать о моемъ удивленіи когда смотрѣлъ съ какою силой и ловкостью таскали на спинѣ кули, какъ говорили, до девяти пудовъ вѣсомъ, особый рабочій классъ—соленосы, въ самые отдаленные амбары. По этому необыкновенному труду можно было судить что это былъ за могучій народъ соленосы, которыхъ очень ублажали и пріемщикъ и сдатчикъ, каждый для своихъ выгодъ.

Единственное городское гулянье было въ Верхнемъ городѣ, называемое Черный Прудъ. Этотъ прудъ, дѣйствительно довольно черный, окруженъ былъ аллеями, и здѣсь по праздникамъ играла музыка. Въ Нижнемъ былъ уже деревянный театръ и подлѣ него деревянная зала Благороднаго Собранія, въ которой происходили дворянскіе выборы, собиралось по вечерамъ общество для карточной игры, давались балы, маскарады, обѣды и ужины въ торжественные дни.

Послѣ этого краткаго внѣшняго очерка города скажемъ что внутренняя его домашняя обстановка подходила къ арзамасской. Тотъ же порядокъ во вседневной жизни, та же полнота и аккуратное распредѣленіе домашнихъ принадлежностей, то же гостепріимство и хлѣбосольство и та же безцеремонная простота между хозяевами и гостями. * Во всемъ этомъ я убѣждался посѣщая каждый праздникъ и каждые именины своихъ родныхъ, дѣдушку и троихъ дядюшекъ, жившихъ въ одномъ домѣ и занимавшихъ весьма видныя въ городѣ должности. Бабушка наша отличалась необыкновен-

* Званые вечера и балы у всѣхъ и у губернатора Крюкова еженедѣльно начинались не позднѣе семи и оканчивались не позднѣе одиннадцати часовъ.

нымъ искусствомъ изготовлять собственными руками самые вкусные пироги и особенно ватрушки, а дѣдушка слылъ знатокомъ въ варкѣ мартовскаго пива и въ настойкѣ наливокъ. Этихъ напитковъ хранились въ подвалѣ дома и боченки и бочки. Не буду говорить что послѣ выливки столь употребительнаго тогда ерофеича всѣ кушали исправно, и жирное и масляное, нисколько не думая о несваренiи желудка, заливая домашнимъ ливомъ, наливками и любимою рябиновкой; въ рѣдкихъ случаяхъ подавалось шилучее цымлянское. Послѣ обѣда мущины ложились спать, а прочіе не спящіе и молодежь отправлялись въ садъ, который раздѣлялся, какъ и у многихъ другихъ нижегородскихъ домохозяевъ, на три части. Въ первой былъ такъ-называемый англійскій садъ, съ кустарниками, цвѣтами и оранжереями, во второй — тѣнистая роща изъ разныхъ деревьевъ, преимущественно изъ липъ, и въ третьей росли фруктовыя деревья и ягодныя растенія и въ многочисленныхъ грядахъ овощи. Здѣсь была на горѣ бесѣдка, съ которой открывался превосходный видъ на Волгу. Этотъ садъ мнѣ очень памятенъ, потому что въ немъ происходили наши дѣтскія игры съ собиравшимися изъ другихъ близкихъ домовъ нашими сверстниками, и главная затѣя была въ сраженiи на палкахъ, въ нападенiи другъ на друга, какъ непріятели, или представляли разбойниковъ и преслѣдующихъ ихъ солдатъ. Дѣло въ томъ что была возможность и въ рощѣ, и въ садахъ прятаться, надобно было отыскивать и потомъ обезоружить и полонить. Не знаю какъ всѣ эти забавы, съ палками въ рукахъ, сходили безъ бѣды въ общей схваткѣ, когда и наши младенческія души кипѣли нетерпѣніемъ и гнѣвомъ. Послѣ подобныхъ гимнастическихъ упражненій, возвратившись вечеромъ домой, мы съ новымъ апетитомъ садились за ужинъ, прибѣгая еще предъ нимъ къ знакомому шкалчику съ какими-нибудь пирожками. Въ старое время родители предполагали что дѣти для своего роста и крѣпости должны ѣсть все и какъ только захотятъ. Не мое дѣло объяснять почему человѣческій желудокъ, этотъ властелинъ нашихъ физическихъ, а нерѣдко и душевныхъ силъ, былъ тогда застрахованъ отъ нынѣшнихъ его болѣзней съ ранней юности и даже съ дѣтскаго возраста. Говоря о матеріальной сторонѣ жизни нельзя не упомянуть и о нѣкоторыхъ общепринятыхъ, какъ говорится теперь, этикетахъ во вза-

имныхъ частныхъ и офиціальныхъ отношеніяхъ дворянскаго сословія. Пріѣздъ съ визитами, на которыхъ непремѣнно было угощеніе кофеемъ и закуской, былъ не позже 11 или 12 часовъ и на вечеръ въ 6 или 7 часовъ. Пріѣхавшій мущина, послѣ поклона хозяину, отправлялся къ его сулругѣ, и здѣсь, въ гостиной, долженъ былъ подходить къ ручкѣ ко всѣмъ дамамъ, начиная съ хозяйки. Мущина, цѣлуя ручку, получалъ поцѣлуй въ голову или щеку; и такъ продолжалось со всякимъ вновь приходящимъ. Сколько тутъ нужно было терпѣнія съ обѣихъ сторонъ, но никто не рѣшался нарушить этого гостинаго правила. Помню одинъ разъ явился какой-то пріѣзжій петербуржецъ и подошелъ къ хозяйкѣ, которая и протянула ему руку для цѣлованія, но онъ не взялъ ея, низко поклонился и отошелъ. Представьте какой конфузъ для хозяйки. Конечно, эта заносная, единичная выходка произвела только неудовольствіе, по пословицѣ: со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходи, и прежній обычай оставался еще долго въ Нижнемъ. Если не отступали отъ подобныхъ домашнихъ этикетовъ, то еще гораздо строже соблюдали правила учтивости и подчиненности въ именины, праздники и высокоторжественные царскіе дни между служащимъ и неслужащимъ дворянствомъ: вы не посмѣете не пріѣхать къ имениннику или еще болѣе къ именинницѣ если не захотите прослыть невѣжей; но чиновный людъ не могъ и думать, подъ страхомъ административныхъ взысканій, не явиться въ Новый Годъ или царскіе дни съ поздравленіемъ къ своему начальству, начиная съ низшаго до высшаго—губернатора. Чтобы поспѣть туда и сюда чиновники съ ранняго утра были на ногахъ, а побогаче въ экипажахъ, въ мундирахъ и трехугольныхъ шляпахъ, несмотря ни на какой дождь или морозъ. Я видѣлъ какъ дядюшка мой, губернскій прокуроръ, принималъ этихъ раннихъ гостей въ халатѣ и затѣмъ самъ надѣвалъ мундиръ и являлся къ губернатору, а отъ него присутствующіе отправлялись въ соборъ къ литургіи и молебну и затѣмъ къ епархіальному архіерею Моисею на скудный монашескій завтракъ; на этотъ поѣздъ мы каждый разъ смотрѣли изъ оконъ нашего дома. Преосвященный, какъ говорили, былъ очень скупъ на угощеніе, но за то восхищалъ нижегородскую публику своимъ рѣдкимъ благолѣпнымъ богослуженіемъ, при содѣйствіи знаменитаго въ Нижнемъ по своему обработанному сильному голосу протодіакона Іоасафа

и прекраснаго хора лѣвчихъ. Признаюсь, я и теперь вспоминаю съ умиленіемъ это богослуженіе, которое мнѣ случалось слышать въ праздники приходскихъ церквей и послѣ раза два въ соборѣ. Преосвященный обладалъ необыкновенно симпатичнымъ голосомъ и умѣлъ имъ пользоваться и въ церковной службѣ, и въ проповѣдяхъ. Невозможно было безъ благоговѣйнаго чувства слушать молитву произносимую имъ послѣ малаго выхода на амвонѣ со свѣтильниками въ рукахъ: „Призри съ небеси Боже и виждь, и посѣти вертоградъ сей, его же насади десница Твоя“, сопровождаемую въ то же время тихимъ, гармоническимъ пѣніемъ трехъ избранныхъ изъ хора мальчиковъ, альта и дискантовъ: „Святый Боже, святый Крѣпкій, святый Безсмертный, помилуй насъ.“ Въ то время религіозное чувство народа, безъ различія сословій, глубоко сохранялось въ простотѣ вѣрованій церкви. Къ сожалѣнію, при общемъ религіозномъ направленіи городскаго общества, исполнявшаго строго установленія и обряды христіанской церкви, нерѣдко забывалась одна изъ главныхъ заповѣдей Божественнаго ея Основателя—о любви, снисхожденіи и милосердіи къ низшей братіи. Мы говоримъ о возмутительныхъ злоупотребленіяхъ крѣпостнаго права въ то время, когда помѣщикъ или помѣщица были полноправными владыками и судьями своихъ крѣпостныхъ людей, распоряжались ими по произволу, наказывали самымъ жестокимъ образомъ, какъ угодно; продавали, проигрывали и промѣнивали на лошадей и собакъ, въ одиночку или гуртомъ. Пользуясь этими безотвѣтными распоряженіями, купцы и мѣщане внѣ закона покупали себѣ рабовъ на имя дворянина, хотя бы онъ самъ лично не владѣлъ ни одною душой. При такомъ положеніи крѣпостныхъ, не даромъ сложилась между дворовыми людьми грустная пѣсня:

Ахъ свѣтъ ты наша матушка
Макарьевска ярмарка.

Смыслъ ея заключался въ томъ что на Макарьевской ярмаркѣ (Нижегородской губерніи) продавались и человѣки, а изъ нихъ каждый на-авось надѣялся попасть во власть болѣе милостиваго господина. И прежде были дворяне, владѣльцы душъ, которые съ негодованіемъ смотрѣли на отвратительное порабощеніе и униженіе человѣческаго существа, но не имѣли силы и вліянія чтобъ измѣнить застарѣлый про-

изволъ большинства своихъ сословныхъ собратій, особенно богатыхъ. У послѣднихъ ребенокъ съ леленъ лріучался уже къ господству. Когда вносила его на рукахъ кормилица или няня въ комнату гдѣ были дворовые люди, то они всѣ вставали, лодходили къ ручкѣ, и не смѣли сѣсть лока барченка не вынесутъ въ другую комнату. При такомъ воспитаніи съ младенчества развивался духъ самовластія, нерѣдко приводившій къ какому-то звѣрскому отулѣнію въ понятіяхъ о подвластныхъ людяхъ. Я видѣлъ самъ изъ оконъ нашего дома, какъ юноша изъ лучшей дворянской фамиліи среди дня тащилъ за бороду своего кучера ло одной изъ главныхъ улицъ къ своему дому, за что, не знаю, но зачѣмъ, всѣ догадались; и этотъ лоступокъ нисколько не повредилъ ему въ общественномъ мнѣніи. Да и прекрасный лолъ нисколько не стыдился въ своемъ домашнемъ кружкѣ раздавать лощечины (вмѣсто мужскихъ кулаковъ) своимъ служителямъ, причемъ брезговавшія осквернить свои прекрасныя ручки прикосновеніемъ къ рабской рожѣ, били своихъ дѣвушекъ ло ланитамъ лодошвами башмаковъ и не стыдились даже наказывать ихъ на конюшняхъ въ своемъ присутствіи, чрезъ муцинъ. А если замѣчена будетъ какая-либо любовная интрижка и, чего Боже упаси, съ благовѣрнымъ сулругомъ, тогда женскій гнѣвъ неумолимъ, — лрощай обрѣзанная дѣвичья коса, и виновная отсылалась въ деревню съ барскимъ приказомъ выдать ее замужъ за послѣдняго мужика. Императоръ Александръ I выразилъ въ именномъ указѣ высочайшую свою волю чтобы лытки, стыдъ и лоношеніе человѣчеству наносящіе, истреблены были изъ ламяти народной; но при самоуправствѣ ломѣщиковъ крѣлостными людьми въ то же время въ нѣкоторомъ родѣ лытки не лрекращались. Правительство, ло высочайшему повелѣнію, чрезъ секретныя предписанія начальникамъ губерній и предводителямъ дворянства, старалось смягчить и сколько возможно ограничить безграничный произволъ ломѣщиковъ надъ крѣлостными людьми, съ угрозой передавать имѣнія въ опеку; но и эти мѣры государственной власти оставались безуслѣшными. Свой своему лоневолѣ другъ; тѣмъ болѣе когда исполнитель распоряженій правительства видитъ и въ своемъ глазѣ бревно, а не спицу. Изданный въ лослѣдствіи законъ о запрещеніи продавать людей изъ семьи ло одиночкѣ ло крайней мѣрѣ скрѣлилъ столь дорогія для человѣка семейныя

связи крѣпостныхъ и уничтожилъ въ высшей степени безнравственную продажу въ одиночку лицъ женскаго пола. Въ этомъ отношеніи цинизмъ доходилъ до такой степени что въ вѣдомостяхъ допускались объявленія о продажѣ дѣвицъ. Не будемъ приводить многихъ, столь извѣстныхъ и обнаруженныхъ судебными изслѣдованіями возмутительныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, особенно богатыхъ, предъ которыми преклонялись и городская и земская полиціи; не будемъ говорить и о тяжкомъ самоуправствѣ полиціи въ своемъ судѣ надъ лицами не избавленными по закону отъ тѣлеснаго наказанія, особенно надъ дворовыми людьми и помѣщичьями крестьянами, не будемъ говорить о какой-то звѣрской кровожадности властелиновъ той и другой категоріи, скажемъ въ нѣкоторое оправданіе нашихъ предковъ, что подобныя же явленія, а можетъ-быть и хуже, совершались, особенно во время феодальнаго права, у другихъ европейскихъ народовъ, не говоря о невольническихъ штатахъ Америки. Отклонивъ навсегда эти грустныя воспоминанія, благословимъ Монарха который исполнилъ съ непоколебимою волей завѣтныя мысли своихъ вѣнценосныхъ предшественниковъ. Имя его, какъ Освободителя милліоновъ душъ, съ дарованіемъ имъ правъ гражданства и равноправности предъ единымъ закономъ, сохранится благоговѣйно въ памяти современниковъ и потомства. Ему соорудится въ благодарныхъ сердцахъ нерукотворный памятникъ. Но нельзя не пожалѣть что доселѣ не осуществилось еще патріотическое намѣреніе соорудить, въ память освобожденія крестьянъ, храмъ въ Москвѣ, во имя Св. Великаго Князя Александра Невскаго, съ именемъ котораго 30 августа празднуется и тезоименитство Государя. Воззваніе объ этомъ къ народу съ Высочайшаго соизволенія было сдѣлано въ близкое время за незабвеннымъ манифестомъ 19 февраля и между тѣмъ въ комитетъ учрежденный въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, для сбора на сей предметъ пожертвованій, по послѣднему его отчету опубликованному въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 17 февраля 1875 года, поступила весьма маловажная сумма до 23.650 рублей. Такой результатъ подписки между двадцатимилліоннымъ населеніемъ былъ бы удивителенъ еслибы не объяснялся просто тѣмъ что большинство крестьянъ и не слыхали о подпискѣ. Не имѣя данныхъ, мы не знаемъ какія сдѣланы были со стороны земской

полиціи, мировыхъ посредниковъ и въ особенности сельскаго духовенства распоряженія для повсемѣстнаго объявленія и объясненія крестьянамъ цѣли этихъ добровольныхъ приношеній и были ли учреждены мѣстные сборы по приходамъ или волостямъ; но мы слышали даже отъ подмосковныхъ крестьянъ, съ которыми намъ случалось говорить объ этомъ предметѣ, что имъ о подобномъ воззваніи къ народу ничего неизвѣстно, газетъ же они не читаютъ и не знаютъ.

Возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ.

II.

Вѣроятно теперь и педагогами забытъ уставъ училищъ и гимназій 1804 года, ноября 5го, который дѣйствовалъ съ нѣкоторыми измѣненіями до новаго устава учебныхъ заведеній 1828 года, и потому позволимъ себѣ кратко изложить указанныя въ прежнемъ законоположеніи цѣль и планъ ученія въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Изъ этого обзора мы увидимъ въ какихъ широкихъ размѣрахъ предполагалось устроить народное образованіе и затѣмъ скажемъ какія средства даны были правительствомъ къ приведенію въ дѣйствіе своихъ предначертаній и какъ они исполнялись въ дѣйствительности въ училищахъ и гимназіяхъ. Приходскія училища, по словамъ устава, имѣютъ двоякую цѣль: приготовлять юношество для уѣздныхъ училищъ и доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію. Въ этихъ училищахъ должны были обучать чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, Закону Божію и нравоученію, читая съ объясненіемъ книгу: *Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и о средствахъ къ сохраненію здоровья.* Цѣль уѣздныхъ училищъ: 1) приготовить юношество для гимназій, и 2) открыть дѣтямъ различнаго состоянія необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности. Въ нихъ должны были преподаться: Законъ Божій, о должно-

стяхъ человѣка и гражданина, россійская грамматика съ чистописаніемъ и правописаніемъ, географія всеобщая и Россійскаго государства, всеобщая и россійская исторія, ариѳметика, начальныя правила геометріи, физики и естественной исторіи, начальныя правила технологіи, имѣющія отношеніе къ мѣстному положенію, промышленности и ремесламъ. Для преподаванія сихъ предметовъ, въ двухгодичный курсъ, назначались, кромѣ смотрителя и законоучителя, два учителя наукъ и учитель рисованія. * Въ I и II классѣ учебнаго времени полагалось по 28 часовъ въ недѣлю. Замѣтимъ еще что на учителей уѣздныхъ училищъ возложена была обязанность обученія чтенію и лисьму по-латини и по-нѣмецки учениковъ готовящихся къ продолженію наукъ въ гимназіи. Учрежденіе гимназій имѣетъ также какъ и уѣздныя училища двоякую цѣль: 1) приготовленіе юношества къ университетскимъ наукамъ, и 2) преподаваніе наукъ хотя начальныхъ, но полныхъ въ разсужденіи предметовъ ученія тѣмъ кои не имѣя намѣренія продолжать оныя въ университетѣ, пожелаютъ пріобрѣсть свѣдѣнія необходимыя для благовоспитаннаго человѣка. Сообразно сей двоякой цѣли, въ гимназіяхъ должно было преподаваться, кромѣ курсовъ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, пополнительный курсъ географіи и исторіи, включая миѳологію и древности, статистика общая и Россійскаго государства, начальный курсъ философіи и изящныхъ искусствъ, начальныя основанія политической экономіи, чистой и прикладной математики, опытной физики, естественной исторіи, съ приноровленіемъ къ сельскому хозяйству и лѣсоводству, начальныя основанія наукъ относящихся до торговли, основанія технологіи и рисованіе. Для преподаванія всѣхъ исчисленныхъ предметовъ положено имѣть, кромѣ законоучителя, четырехъ учителей, которые назывались старшими, съ жалованьемъ по 550 р. въ годъ, трехъ учителей иностранныхъ языковъ, съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ и учителя рисованія, съ окладомъ 300 р. въ годъ. ** Въ

* По штату смотритель, замѣняющій въ случаѣ надобности учителя, получалъ 300 р., законоучитель 75 р., учителя по 250 р. и учитель рисованія 75 р. въ годъ.

** Жалованье производилось по разрядамъ губерній. Я говорю о Нижегородской.

гимназіяхъ было четыре класса: I, II, III и высшій IV; въ каждомъ классѣ ученье должно преподаваться по 30 часовъ въ недѣлю, въ утреннее и послѣобѣденное время, отъ 8 до 12 и отъ 2 до 4 часовъ. Учебныхъ часовъ въ разныхъ классахъ назначалось для учителей по 16, 18 и 20 въ недѣлю. Послѣднее число приходилось на учителя философіи, изящныхъ искусствъ и политической экономіи, который въ IV классѣ долженъ былъ преподавать еще естественное и народное право. При этомъ, къ обязанностямъ учителей математики, естественной исторіи и технологіи относилось соединеніе преподаванія теоріи съ практикой. Такъ, учитель математики съ избранными по успѣхамъ учениками долженъ былъ совершать прогулки за городъ, пріучать ихъ къ главнѣйшимъ дѣйствіямъ практической геометріи, показывая различные роды мельницъ, гидравлическихъ машинъ и другихъ механическихъ предметовъ. Учитель естественныхъ наукъ и технологіи собираетъ травы, различные роды земли, камней, изъясняя ихъ свойства и отличительные признаки, осматриваетъ въ городѣ фабрики, мануфактуры и мастерскія художниковъ. Затѣмъ въ уставѣ сказано что науки преподаются по начальнымъ книгамъ приноровленнымъ къ плану ученія по курсамъ и числу учебныхъ часовъ, и главное правленіе училищъ приметъ мѣры къ изданію въ достаточномъ количествѣ сихъ различныхъ книгъ. По латинскому языку, начиная съ чтенія, письма, латинской грамматики, переводовъ съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій языки, преподаваніе должно было заканчиваться изъясненіемъ классическихъ прозаическихъ писателей и стихотворцевъ, съ выучиваніемъ наизусть избранныхъ мѣстъ изъ лучшихъ писателей и легкими сочиненіями на этомъ языкѣ. Точно такая же программа назначена и по языкамъ французскому и нѣмецкому. Таковъ былъ планъ въ 1804 году нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ предположеніемъ учредить въ каждомъ уѣздномъ городѣ по крайней мѣрѣ одно уѣздное училище, а въ губенскомъ кромѣ того гимназію. По штатамъ исчислено было открыть 405 уѣздныхъ училищъ и 42 гимназіи, съ ежегоднымъ содержаніемъ отъ правительства по разрядамъ губерній на каждое училище отъ 1.250 до 1.600 руб., и на гимназіи отъ 5.250 до 6.250 р., итого на училища 563.450 р. и на гимназіи 236.000 руб. Затѣмъ, на старѣйшій Московскій и на предназначенные въ

томъ же 1804 году къ открытію вновь Петербургскій, Казанскій и Харьковскій университеты положено отпускать въ годъ по 130.000 руб. на каждый, а всего по Министерству Народнаго Просвѣщенія требовалось на уѣздныя училища, гимназіи и университеты 1.319.450 р. въ годъ. Послѣ этого очерка постановленій по народному образованію въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и дарованныхъ средствъ къ ихъ выполненію изложимъ въ общихъ чертахъ и способъ ученія въ нижегородскихъ уѣздномъ училищѣ и губернской гимназіи, предполагая что тотъ же порядокъ, съ какими-нибудь незначительными измѣненіями по характеру и степени образованности учителей, сохранялся и въ другихъ подобныхъ заведеніяхъ. Напередъ я долженъ упомянуть что нижегородскія гимназія и училища были вполнѣ обезпечены въ хозяйственномъ отношеніи, имѣя свой собственный трехъэтажный домъ, съ двухъэтажнымъ флигелемъ. Эти зданія находились въ лучшей части города, на большой площади, подлѣ приходской церкви Благовѣщенія; второй и третій этажи дома занимались актовою залой, классными комнатами училища и гимназіи, библіотекой и учебными кабинетами, а нижній—квартирами учителей; во флигилѣ помѣщались: приходское училище, директоръ, его канцелярія, учители и нижніе служители.

Послѣ домашняго учебнаго приготовленія * и скромнаго семейнаго быта, поступивъ въ 1815 году во второй классъ уѣзднаго училища, я не скоро привыкъ къ сборищу учениковъ до 100 человѣкъ, разнаго званія, возраста отъ 10 до 17 лѣтъ, къ ихъ особымъ разговорамъ, привычкамъ и къ разнообразной и по большей части неопрятной одеждѣ и обуви. Управлять такимъ сборищемъ учащихся и обучить ихъ всѣмъ предметамъ назначеннымъ по уставу одному учителю, при всѣхъ его учебныхъ и нравственныхъ достоинствахъ, было дѣломъ не только тяжелымъ, но казалось и невозможнымъ. Между тѣмъ нашъ наставникъ Михаилъ Аѳанасьевичъ Никольскій исполнялъ свою трудную обязанность очень удовлетворительно, съ тою любовію и преданно-

* Для этого приготовленія приглашенъ былъ учитель перваго класса уѣзднаго училища П—въ, который пріучая къ дисциплинѣ казенныхъ заведеній, при невниманіи къ урокамъ и лѣности, безъ церемоніи билъ меня чувствительно линейкой по головѣ и шаловливымъ рукамъ.

стію къ своему призванію, которыя могли быть примѣромъ для многихъ другихъ ему подобныхъ тружениковъ, и онъ заслуживаетъ сердечнаго и благодарнаго воспоминанія его учениковъ какъ за сообщенныя имъ толково по тогдашнему времени общія элементарныя свѣдѣнія изъ наукъ, такъ въ особенности за кроткое, терпѣливое съ нами обращеніе во время классовъ. Когда въ смежномъ со вторымъ первомъ классѣ училища розги были въ большомъ употребленіи, особенно по субботамъ, при общей недѣльной расправѣ, у насъ, сколько я помню, объ этомъ тѣлесномъ наказаніи не было помину, а лѣнивыхъ, нерадивыхъ и провинившихся ставили на колѣни среди класса, у печки и даже съ кочергой въ рукѣ, задерживали въ классѣ, оставляли безъ обѣда и рѣдко учитель позволялъ себѣ подрать ученика за волосы или за уши. Для возбужденія соревнованія между учениками, учитель разъ въ недѣлю задавалъ какія-нибудь легкія задачи по русской грамматикѣ и математикѣ, которыя ученики должны были рѣшать письменно на своемъ мѣстѣ и по написаніи подавать учителю; онъ ихъ просматривалъ, и кто скорѣе и лучше написалъ отвѣтъ, тотъ садился на первомъ мѣстѣ первой скамьи въ классѣ и т. д. Кто не подалъ или опоздалъ, а такихъ было самое большее число, тотъ оставался на своемъ мѣстѣ. Это распоряженіе называлось у насъ пересадкой. Лучшіе и успѣвающіе ученики дѣйствительно соперничали другъ предъ другомъ, съ замѣтною радостью и торжествомъ ссаживали съ первыхъ мѣстъ другихъ, можетъ-быть только на одну недѣлю; но нѣкоторые, несмотря на всѣ усилія своихъ товарищей, твердо держались на своихъ мѣстахъ въ продолженіи всего года. Никольскій читалъ отвѣты съ своими объясненіями предъ учениками и тѣмъ какъ бы доказывалъ справедливость своего рѣшенія по пересадкѣ. На стѣнахъ обширной классной залы развѣшаны были географическія карты, на столѣ у учителя помѣщался глобусъ, а большая аспидная доска стояла на виду всѣхъ. Каждый ученикъ долженъ былъ имѣть у себя по каждому предмету учебныя книжки, изданныя для руководства отъ главнаго правленія училищъ, и приходить въ училище съ этими книгами, съ своею бумагой, перомъ, карандашомъ и чернилицею. Каждый классъ, послѣ молитвы, начинался непремѣнно перекличкой учениковъ. Отсутствующіе на другой день должны были объяснить учителю по-

чему они не были, хотя эти отвѣты конечно ни къ чему не вели, но все-таки при частомъ повтореніи отсутствія давали учителю поводъ къ увѣдомленію о томъ родителей, съ угрозой исключенія ученика. Затѣмъ учитель спрашивалъ заданный урокъ нѣсколькихъ учениковъ, съ переднихъ скамеекъ на мѣстахъ, а съ заднихъ вызывалъ къ своему столу. Разумѣется, тутъ были и наставленія и побранки, и угрозы и наказанія. Послѣ того учитель прочитывалъ съ своими объясненіями новый урокъ по книгѣ; въ классѣ русской грамматики заставлялъ писать подъ диктовку, по математикѣ показывалъ задачи на доскѣ, по географіи указывалъ на карты и глобусъ, а по исторіи излагалъ главнѣйшія событія и года въ хронологическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ и въ то время, какъ и по уставу 1828 года, курсъ уѣздныхъ училищъ ограничивался обученіемъ Закону Божію, русскому языку, начальной математикѣ, географіи и исторіи, а затѣянныхъ по уставу 1804 года чтеній о должностяхъ человѣка и гражданина, начальныхъ основаній физики, естественной исторіи, технологіи, а также обученія чтенію и письму на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ не было. Послѣ годичнаго курса, я перешелъ по экзамену въ гимназію, въ которую изъ 100 учениковъ моихъ товарищей по училищу поступило менѣе половины. Уѣздныя училища большею частію наполнялись дѣтьми канцелярскихъ служителей, мелкихъ чиновниковъ, купеческихъ и мѣщанскихъ сыновей. Родители тѣхъ и другихъ имѣли въ виду выучить поскорѣе дѣтей чтенію, письму, ариѳметикѣ и дать имъ какое-нибудь умственное развитіе, и затѣмъ старались не медля опредѣлить ихъ къ мѣстамъ служенія, писцами въ какую-нибудь канцелярію, съ самымъ ничтожнымъ жалованьемъ, но съ правами службы; за тѣмъ же гнались и прочія сословія, такъ какъ въ то время принимали на службу изъ всѣхъ свободныхъ состояній. Въ случаѣ же неудачи эти обученные мальчуганы помѣщались въ торговыя лавочки и магазины, гдѣ учились какъ выгоднѣе торговать, подъ надзоромъ хозяевъ и старшихъ. По этимъ общественнымъ требованіямъ и понятіямъ гимназическій курсъ считался уже роскошью образованія. Тѣмъ не менѣе въ низшихъ классахъ я встрѣчалъ между учащимися нѣсколько человѣкъ изъ дворовыхъ людей городской аристократіи и мѣщанъ. Въ виду этой смѣси сословій, зажиточныя дворянскія фамиліи не отдавали

своихъ дѣтей въ гимназіи, чтобы не смѣшать ихъ съ грязнымъ людомъ и не привить къ нимъ въ подобномъ обществѣ дурныхъ наклонностей и привычекъ. Обыкновенно учили дѣтей своихъ дома. Послѣ 1812 года у насъ много явилось гувернеровъ-Французовъ, а потомъ и Француженокъ, которымъ щедро платили за воспитаніе дѣтей, учители же гимназіи ходили давать уроки за весьма малую ежемѣсячную плату. Приготовленные подобнымъ образомъ юноши, говорящіе по-французски, съ лоскомъ наружнаго образованія, поступали въ высшія казенныя заведенія: Царскосельскій Лицей, Пажескій Корпусъ, и всего болѣе въ Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, въ которомъ воспитывались и учились дѣти многихъ извѣстныхъ богатыхъ фамилій.

Мы упомянули уже что изъ учениковъ уѣзднаго училища въ гимназію перешло менѣе половины. Казалось бы что эти болѣе даровитые, способные и обезпеченные въ своемъ содержаніи ученики пройдутъ съ успѣхомъ и гимназическій курсъ, но не такъ выходило на самомъ дѣлѣ. Во второмъ классѣ оказалось учениковъ не болѣе 20, въ третьемъ 10, а въ четвертомъ мы окончили курсъ только трое. Не знаю какъ объяснить такое опустѣніе гимназіи, тѣмъ болѣе что переводные экзамены были весьма снисходительны и безъ сомнѣнія директору и учителямъ было гораздо пріятнѣе имѣть въ классахъ наибольшее число учениковъ, что̀ доказывало бы предъ училищнымъ начальствомъ и успѣхъ ученія и общественное довѣреніе къ заведенію. Намъ конечно не были доступны педагогическія совѣщанія въ гимназіи по учебной части и слѣдовательно я не могу представить никакихъ сколько-нибудь достовѣрныхъ фактовъ по какимъ особеннымъ причинамъ и обстоятельствамъ ученики оставляли гимназіи и изъ 50 или 40 окончили гимназическій курсъ только 3. Вспоминая прошлое время, я приписываю такое уменьшеніе учениковъ въ гимназіи тогдашнему равнодушію городскаго общества къ дѣлу образованія, бѣдному состоянію родителей-чиновниковъ, старавшихся, при первомъ открывшемся случаѣ, пристроить своихъ дѣтей на службу съ самаго ранняго возраста, а также мелочнымъ торговымъ и семейнымъ разчетамъ средняго сословія, но ни въ какомъ случаѣ не безпорядочному и безуспѣшному ученію въ гимназіи и тѣмъ болѣе избалованности въ ней учащихся. Хотя въ наше время не было никакихъ надзира-

телей, но смѣло могу сказать что до прихода учителя, или во время промежутка между классами, когда мы могли выбѣжать на обширный гимназическій дворъ, я не запомню никакихъ дѣйствій или разговоровъ не соотвѣтствующихъ нашему возрасту и все оканчивалось обыкновенными шумными дѣтскими шалостями. Ученики гимназіи не смѣшивались уже съ учениками уѣзднаго училища, предъ которыми гимназистъ считалъ себя стоящимъ на далеко высшей ступени по умственному развитію.

Звонокъ, этотъ двигатель учебныхъ заведеній и низшихъ и среднихъ, прекращалъ и начиналъ ученіе и ему повиновались и учитель и ученики. О прекословіи и тѣмъ болѣе о неповиновеніи учениковъ тогда не имѣли и понятія. Что касается до самаго ученія, то по главнымъ предметамъ мы имѣли достойныхъ по своему времени наставниковъ. Вопервыхъ, упомяну о законоучителѣ, священникѣ приходской гимназической Благовѣщенской церкви П. И. Лебедевѣ. Ему мы обязаны познаніями истинъ христіанской православной церкви, въ той ясности и простотѣ, которая укоренялась въ душахъ нашихъ на твердомъ основаніи. Изложеніе священной и церковной исторіи, Евангелія, Алостольскихъ Дѣяній, Св. Таинствъ, установленій вселенскихъ соборовъ, всѣхъ обыкновенныхъ и праздничныхъ церковныхъ богослуженій, въ особенности литургіи, были сопровождаемы тѣми подробностями и объясненіями которыя были доступны и въ нашемъ дѣтскомъ возрастѣ. По крайней мѣрѣ скажу про себя, что уроки почтеннѣйшаго нашего законоучителя не изгладились изъ моей памяти и въ то время когда слушалъ я въ послѣдствіи догматическое богословіе въ Московскомъ Университетѣ. Вовторыхъ, укажу на любимѣйшаго нашего учителя русской словесности С. Н. Гроздовскаго. Это былъ, по нынѣшнему выраженію, джентельменъ между всѣми учителями. Очень красивый мущина, среднихъ лѣтъ, всегда чисто и щегольски одѣтый, сравнительно съ другими отличавшимися невзрачною одеждой, и принятый въ лучшихъ домахъ нижегородскаго общества, онъ привлекалъ къ себѣ учениковъ и изящною манерой обращенія съ ними и снисходительностію къ неисправнымъ по урокамъ. Да онъ и не очень обращалъ вниманіе на выучиваніе уроковъ на память; но боль-

шею частію объяснялъ какія-либо грамматическія и риторическія правила, заставлялъ насъ писать на заданную тему или прочитывалъ намъ избранныя мѣста изъ извѣстныхъ въ то время писателей, указывая на правильность и изящество слога. Вообще по этой методѣ обучались въ первомъ классѣ грамматикѣ, во второмъ—логикѣ и психологіи, въ третьемъ — риторикѣ и въ четвертомъ — піитикѣ. Послѣдній предметъ въ мое время, по выходѣ г. Гроздовскаго, къ общему сожалѣнію учениковъ, въ гражданскую службу, преподавалъ намъ новый учитель Н—скій. Этотъ былъ поэтъ и каждый классъ читалъ намъ свое собственное стихотвореніе, съ неестественною энергіей, зависѣвшею, какъ мы вскорѣ замѣтили, отъ возбужденія налитками. Этотъ учитель хотя по наружности не могъ нравиться своимъ неряшествомъ въ одеждѣ и грубыми манерами, но намъ онечно нравился потому что онъ почти ничего отъ насъ не спрашивалъ, а больше занимался указаніемъ недостатковъ принятаго учебника. Учитель математики и физики Г А. Протопоповъ, низкаго роста, съ брюшкомъ, котораго мы потому и прозвали картофелемъ, былъ самымъ аккуратнѣйшимъ наставникомъ, не пропускалъ никогда класса и не опаздывалъ даже минутами, съ математическою точностію, но тоже былъ добрѣйшій и терпѣливѣйшій человѣкъ. Въ классъ онъ всегда являлся въ черномъ поношенномъ фракѣ и когда нѣсколько разсердится, то впускалъ руку въ рукавъ и имъ билъ ученика по головѣ, какъ бы не желая и марать своихъ рукъ о глупую голову. Въ первомъ и второмъ классахъ затверживались ариѳметическія тройныя правила и начала алгебры; въ двухъ высшихъ алгебра съ уравненіями, геометрія и физика. Для послѣдней учитель могъ намъ показать очень не много опытовъ, за недостаткомъ инструментовъ, но все-таки мы получили понятіе объ общихъ свойствахъ тѣлъ, объ электричествѣ, устройствѣ и значеніи термометра и барометра и частію о системахъ Птоломея и Коперника. Въ высшихъ классахъ намъ казалось что мы знатоки въ математикѣ, но мы ошибались. По переводѣ г. Протопопова директоромъ въ Тобольскую гимназію, поступилъ на его мѣсто кандидатъ Казанскаго университета В. А. Антроповъ. Онъ ввелъ, съ разрѣшенія начальства, преподаваніе математики по Франкеру. Желая разъ-

яснить для себя степень нашихъ математическихъ познаній, съ перваго же разу сбилъ насъ съ толку перемѣнивъ буквы на геометрическихъ задачахъ. Мы привыкли твердить уголъ ABC равняется углу DEF, а онъ задавъ теорему поставилъ буквы наоборотъ. Въ послѣдующихъ затѣмъ урокахъ г. Антроповъ непремѣнно добивался отъ насъ полнаго пониманія задачъ и теоремъ. Учитель исторіи и статистики А. И. Шабровъ былъ гроза учениковъ, его всѣ боялись и конечно очень не любили. Высокій, чахоточный, раздражительный и суровый, онъ однакожь не предавался вспышкамъ гнѣва, но очень хладнокровно распоряжался въ классахъ. Ученіе его заключалось въ буквальномъ заучиваніи историческихъ уроковъ по книгѣ изданной отъ главнаго правленія училищъ, въ которой ученики должны были по его указанію подчеркивать карандашомъ строки которыя слѣдуетъ выучить наизусть. Пришедши въ классъ онъ начиналъ спрашивать уроки, вызывая къ своему столу ученика, качалъ одобрительно головой, когда ученикъ говорилъ слово въ слово по книгѣ, а въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, скажетъ: болванъ, стань на колѣни и учи. Такимъ образомъ не рѣдко въ классѣ почти половина учениковъ оказывалась стоящими на колѣняхъ. Но этого мало, учитель приказывалъ нѣкоторымъ изъ таковыхъ учениковъ, на которыхъ почему-либо обращалъ особенное вниманіе, послѣ всѣхъ классовъ явиться къ нему на квартиру, гдѣ онъ задерживалъ ихъ еще лишній часъ, съ угрозою если они слѣдующій урокъ не выучатъ, то продержитъ до вечера. Дѣлать нечего, зубрили сколько хватало силъ, ибо безъ обѣда оставаться очень непріятно. Было бы однакожь несправедливо не упомянуть что когда онъ приходилъ въ добромъ духѣ, то былъ мягче въ обращеніи и присовокуплялъ къ урокамъ какія-либо и новыя, очень любопытныя для насъ историческія свѣдѣнія не показанныя въ учебникѣ. По естественной исторіи вмѣстѣ съ Антроповымъ мы имѣли учителемъ также кандидата Казанскаго Университета Е. И. Шитца, который, какъ

---

* Въ послѣдствіи онъ былъ помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа и умеръ въ 50хъ годахъ въ Самарѣ, куда онъ былъ командированъ для открытія гимназіи.

и Гроздовскій, безъ сомнѣнія остался въ благодарной памяти хотя и малочисленныхъ учениковъ. Тоже всегда чисто одѣтый, прѣвѣтливый, скромный, онъ невольно возбуждалъ къ себѣ привязанность, а своими уроками, съ весьма скудными гимназическими кабинетами, по крайней мѣрѣ далъ намъ понятіе изъ минералогіи объ отечественныхъ минералахъ, а изъ зоологіи о млекопитающихъ и птицахъ. Но главная заслуга его для насъ заключалась въ ботаническихъ бесѣдахъ, которыя ознакомили насъ съ живою природою растеній. Ботаническіе уроки его были съ половины или съ конца апрѣля, смотря по погодѣ, въ полѣ, рощѣ, лѣсу. Съ какимъ удовольствіемъ мы собирались послѣ обѣда въ классъ чтобъ идти вмѣстѣ съ нимъ на экскурсіи. Это былъ какъ бы чадолюбивый отецъ окруженный своими дѣтьми, въ полезной и для здоровья, и для ума и души прогулкѣ. Большею частію мы ходили на такъ-называемые въ городѣ „Смычки“. Мѣсто это было въ какой-нибудь верстѣ отъ города. Начиная съ душистаго поля, окрестность склонялась постепенно съ горы къ рѣкѣ Окѣ. Этотъ огромный, на нѣсколько верстъ, косогоръ съ своими извилистыми, пробитыми пѣшеходами дорожками дѣйствительно представлялъ разнообразіе флоры, съ верхняго, сухаго, песочнаго, до болотнаго и влажнаго грунта внизу подлѣ рѣки. Учитель останавливался весьма часто, срывая травяное растеніе или распускающійся, или распустившійся цвѣтокъ и объяснялъ намъ анатомію и классификацію каждаго растенія по системѣ Линнея, Турнефора, Жюсье. Пусть не посмѣиваются нынѣшніе ученые ботаники на счетъ тогдашнихъ научныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, а обратятъ вниманіе на то что мы изъ живыхъ, увлекательныхъ разговоровъ г. Шитца вынесли и сохранили основательное понятіе о нашей отечественной растительности въ средней полосѣ Россіи, о богатствѣ, разнообразіи и непостижимомъ для человѣка устройствѣ, красотѣ и производительности и дерева, и травы, и цвѣтка, ихъ родѣ, видѣ, мѣстности рожденія и даже пользѣ и употребленіи для человѣка. И теперь на старости лѣтъ, похвалюсь что знаю очень многія латинскія названія встрѣчающихся въ нашей полосѣ растеній, ихъ отличительные признаки и свойства, а потому гуляя по полямъ и лѣсамъ съ удовольствіемъ остановливаюсь на зна-

комомъ цвѣткѣ, вспоминая нашего добраго, рѣдкаго наставника и высказанныя имъ мысли о величіи и мудрости Создателя, проявляющіяся въ самомъ кажется ничтожномъ и незамѣтномъ Его твореніи. Въ заключеніе скажу о нашихъ занятіяхъ по языкамъ. Учитель латинскаго языка А. П. Соколовскій, старикъ вышедшій изъ семинарской школы XIIIV столѣтія, какъ человѣкъ, какъ семьянинъ, достоинъ, былъ полнаго уваженія; онъ при скудномъ казенномъ содержаніи, не имѣя по своему предмету никакихъ другихъ посторонних занятій, призрѣвалъ и давалъ еще обѣдъ своимъ роднымъ учившимся въ гимназіи, чтобъ они не ходили далеко домой и послѣвали вовремя къ послѣобѣденнымъ классамъ. При всей своей добротѣ, незыскательности и можно сказать смиреніи, онъ и по стелени своей образованности и по педагогическимъ способностямъ, а главное по старческой слабости не въ состояніи былъ вести удовлетворительно классное ученіе. Со старою, изодранною латинскою грамматикой въ рукѣ и въ поношенномъ длинномъ сюртукѣ, онъ являлся въ классъ аккуратно, выучилъ насъ въ первыхъ классахъ читать и съ грѣхомъ пополамъ писать по-латыни, изъ грамматики же долбили съ ошибками склоненія. Въ высшихъ классахъ учили спряженія, занимались переводами съ латинскаго на русскій и наоборотъ, и въ концѣ курса читали кое-что изъ Корнелія Непота, а мы гордились и знаніемъ даже нѣсколькихъ латинскихъ вокабулъ, и проходя мимо подъячаго называли его sub-ego-cujus (подъ-я-чей). Продиктовавъ ученикамъ нѣсколько строкъ на латинскомъ языкѣ, съ тѣмъ чтобы перевести по-русски, учитель сказывалъ почти и всѣ слова для перевода. Когда ученики займутся этою задачей, онъ сидя на своемъ учительскомъ креслѣ, предаваясь размышленіямъ, дѣлалъ изъ лица разныя гримасы. Конечно, ученики замѣчаютъ и слегка ухмыляются, а потомъ довольно громко смѣются. Учитель пробуждается, сердится и перваго, и втораго, и третьяго ученика бьетъ по головѣ своею грамматикой изъ которой валятся листы, ученики бросаются подбирать листы и возвращаютъ учителю, который однакожъ нѣсколько шустрыхъ шалуновъ поставитъ на колѣни; но гнѣвъ его не продолжителенъ: сдѣлавъ отеческое наставленіе, онъ дозволяетъ намъ вскорѣ сѣсть на свои мѣста, а въ слѣдующіе разы опять повто-

ряется та же комедія. Казалось бы надъ старостью смѣяться грѣхъ, но это разумное правило не примѣнялось къ ученикамъ малаго возраста и почтеннѣйшій, и можетъ-быть и очень свѣдущій въ своемъ предметѣ учитель не въ состояніи былъ по своимъ собственно физическимъ недостаткамъ и добрѣйшимъ качествамъ своего характера достигать желаемой учебной цѣли и тѣмъ болѣе исполнить гимназическую программу. Въ высшихъ классахъ болѣе разумные ученики старались останавливать наши выходки и съ уваженіемъ смотрѣли на этого престарѣлаго и измученнаго учителя-труженика. Учитель французскаго языка, Французъ О. И. Лежаль, оставшійся въ Россіи послѣ Двѣнадцатаго Года, очень еще худо говорилъ по-русски и возбуждалъ смѣхъ учениковъ своими исковерканными русскими словами. Онъ заставлялъ насъ твердить вокабулы и общія разговорныя рѣчи и весьма мало обращался къ грамматическимъ правиламъ. Мысль его была обучить какъ-нибудь и сколько-нибудь понимать разговорный французскій языкъ и выучить поболѣе общепринятыхъ фразъ. Ему хотѣлось познакомить насъ и съ французскими писателями, которыхъ онъ читалъ разумѣется съ восторгомъ, кое-какъ переводя по-русски. Но главное его увлеченіе заключалось въ воспоминаніяхъ о великомъ Наполеонѣ I. Мы скоро замѣтили эту слабую сторону учителя и не имѣя охоты твердить вокабулы или писать подъ диктовку умѣли его часто навести какъ-нибудь на разговоръ о Наполеонѣ: тутъ онъ забывалъ классъ. Затѣмъ о классахъ нѣмецкаго языка и сказать нечего. Сначала долго не было и учителя, а потомъ занявшій эту должность Нѣмецъ Ш—цъ очень лѣниво занимался своимъ дѣломъ и весьма часто не приходилъ въ классъ. Знанія наши ограничивались въ продолженіи гимназическаго курса чтеніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, письмомъ съ большими ошибками, выученными общеупотребительными вокабулами и разговорными фразами и начальными грамматическими правилами. Затѣмъ указанныхъ въ уставѣ 1804 уроковъ прикладной математики, изящныхъ искусствъ, политической экономіи, сельскаго хозяйства и технологіи, съ практическими занятіями, не существовало. Кромѣ наукъ и языковъ въ гимназіи обучались и искусствамъ. У насъ былъ учитель музыки на скрипкѣ, и хороваго пѣнія. Въ послѣднемъ мы довольно успѣли и могли

лѣть не только разныя кантаты на годичныхъ торжественныхъ актахъ, но и обѣдню въ приходской церкви по праздничнымъ днямъ, и даже исполнили сложный духовный концертъ на свадьбѣ нашего директора. И сценическое искусство не было чуждо гимназіи. Ученики играли въ актовой залѣ нѣсколько разъ патріотическія піесы: *Лейбъ-Кучеръ и Семейство Старичковыхъ или за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не продаютъ*. Нижегородское общество не было равнодушно къ гимназическимъ экзаменамъ и актамъ, ихъ посѣщали многіе жители и начальствующія лица, особенно годичные акты. Къ этому дню всѣ гимназисты отправлялись въ поля и рощи и приносили огромное количество листьевъ и цвѣтовъ, изъ которыхъ свивались гирлянды, вѣнки, букеты и ими украшали портретъ Императора, каѳедру, хоры, столы и окна залы, всю остальную зелень разбрасывали по полу. Выходило по нашему очень мило и грандіозно. На актѣ, кромѣ чтенія директоромъ обыкновеннаго отчета о состояніи гимназіи, ученики лѣли, играли на скрипкахъ, произносили стихи и благодарственныя рѣчи, затѣмъ раздавались въ награду за успѣхи и поведеніе книжки, похвальные листы и аттестаты, при звукахъ театральнаго оркестра. Какъ все это было разнообразно и весело! Къ числу важныхъ событій въ гимназіи относилось въ мое время, въ 1819 году, ожиданіе посѣщенія великаго князя Михаила Павловича и прибытія изъ Казанскаго Университета визатотора. Это было лѣтомъ. Не могу вспомнить почему великій князь опоздалъ своимъ прибытіемъ противъ маршрута на цѣлыя сутки и объ этомъ не было дано знать кому слѣдуетъ, а потому Нижегородцы ожидали его всю первую ночь; архіерей, начальствующія лица, чиновники, дворянство и дамы въ соборѣ, а народъ ночевалъ на Кремлевской площади. Городъ былъ иллюминованъ какъ нельзя лучше, съ вензелями и транспорантами, и только на другой день утромъ узнали что его высочество прибудетъ въ этотъ день также ночью въ 12 часу. Такимъ образомъ возобновилось собраніе въ соборѣ и въ кремлѣ съ прежнею иллюминаціей. Великій князь со своею свитой прямо пріѣхалъ въ соборъ, а оттуда при восторженныхъ крикахъ народа въ назначенный для него на Покровской улицѣ лучшій частный домъ Ульяникова. По обыкновенію на другой день было представленіе чиновниковъ, дворянства и купечества и

затѣмъ его высочество былъ на разводѣ губернскаго баталіона, объѣхалъ городъ и посѣтилъ разныя городскія заведенія, и гимназія его ожидала. Всѣ ученики и учителя были въ сборѣ съ утра, и директоръ разставилъ насъ порядкомъ, выставляя въ первомъ ряду получше одѣтыхъ и посмазливѣе лицомъ, хотя нѣкоторые учителя и полагали что напередъ должны стать ученики поумнѣе и посмышленѣе; но директоръ съ этимъ мнѣніемъ не согласился, будучи конечно увѣренъ что великій князь не будетъ же экзаменовать учениковъ. Нѣсколькимъ отличнымъ ученикамъ розданы были коротенькія привѣтственныя рѣчи и стихи, которые они скажутъ его высочеству, въ томъ числѣ я долженъ былъ у самыхъ входныхъ дверей въ актовую залу встрѣтить его слѣдующимъ двухстишіемъ:

Что̀ вижу предъ собою, вождя ли горнихъ силъ?
Нѣтъ, образъ зрю его, се Росскій Михаилъ.

Разумѣется эти стихи, по неоднократному указанію учителя-автора, слѣдовало произнести съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой. Но ожиданія наши не сбылись. Великій князь не былъ въ гимназіи, въ чемъ конечно винили губернатора, не умѣвшаго при осмотрѣ города завезти его въ это прекрасно-расположенное и на видномъ мѣстѣ заведеніе. Насъ распустили по домамъ голодныхъ въ 4 часа, когда узнали что его высочество возвратился уже въ свою квартиру къ обѣду, къ которому приглашены были высшіе чины города. Вечеромъ, въ честь августѣйшаго гостя, данъ былъ отъ дворянства балъ въ домѣ Собранія. Великій князь пробылъ только до 11 часовъ и принималъ участіе въ танцахъ, но на ужинъ не остался, а къ нему, какъ говорили, были приготовлены такія рѣдкія стерляди что онѣ въ то время въ Нижнемъ стоили до 300 руб. На другой день утромъ великій князь выѣхалъ изъ Нижняго по тракту въ Казань.

Вскорѣ за тѣмъ, въ началѣ учебнаго года, прибылъ университетскій визитаторъ. Въ актовой залѣ собраны были учителя и ученики, и мы встрѣтили его хоровымъ пѣніемъ съ акомпаниментомъ скрипки учителя пѣнія, сочиненными на этотъ случай стихами, которые очень помню:

Взойди въ священный храмъ Паллады,
Желанный гость, нашъ Меценатъ;

Взойди, да вмѣстѣ и Отрады
Съ тобою въ оный прилетятъ.
Приходъ твой радость всѣмъ вливаетъ,
Питомцевъ юныхъ утѣшаетъ
Что ты свидѣтель ихъ плодовъ.

Визитаторъ, какъ послѣ мы узнали, былъ человѣкъ очень добрый и снисходительный. Онъ съ чувствомъ поблагодарилъ насъ за привѣтствіе, и затѣмъ поговоривъ съ директоромъ и учителями, объявилъ обращаясь и къ намъ что въ слѣдующіе дни онъ будетъ посѣщать классы. Проводивъ визитатора, учителя подтвердили намъ чтобы тщательнѣе занялись заданными уроками и повторили зады, дабы не уронить ихъ и себя во мнѣніи лица присланнаго для повѣрки учебныхъ занятій высшимъ начальствомъ. Посѣщенія визитатора начались съ низшихъ классовъ и уже чрезъ недѣлю онъ пришелъ въ четвертый почти пустой классъ; но мы разузнали отъ товарищей какъ онъ скромно и привѣтливо обращался съ учениками, предлагая имъ вопросы послѣ урока учителя и наводя ихъ самъ на сколько возможно удовлетворительные отвѣты. Въ этомъ мы удостовѣрились и въ нашемъ классѣ; онъ особенно остался доволенъ моими и другаго ученика П—ва отвѣтами, и сказалъ директору чтобы насъ на другой день утромъ привезти къ нему на квартиру. Привезъ насъ учитель Французъ. Визитаторъ насъ очень обласкалъ, напоилъ шоколадомъ съ бисквитами, разспрашивалъ о нашихъ родителяхъ и ихъ семействѣ, подалъ нравственно-учебные совѣты и при прощаньи подарилъ намъ по книгѣ въ отличномъ переплетѣ со своею подписью. Наконецъ пришло время и выхода изъ гимназіи послѣ четырехгодичнаго курса. Послѣдній разъ я участвовалъ въ торжественномъ актѣ 1820 года, который былъ съ тою же, какъ выше сказано, обстановкой. Хоръ пѣлъ:

Тебѣ сей гласъ нашъ, Русскій царь!
Цвѣти, цвѣти твоя держава,
Священный тронъ твой—нашъ олтарь,
Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава.

И:

Мы не даромъ въ свѣтѣ жили,
Мы Александра въ немъ любили,
Онъ былъ утѣхой нашихъ дней.

Мнѣ предоставлено было произнести довольно большіе стихи сочиненные учителемъ словесности Н—мъ (о кото-

ромъ я говорилъ выше), но онъ не пожелалъ назвать ихъ своими и въ программѣ акта сказано было что эти стихи моего собственнаго сочиненія; хотя въ составленіи ихъ я нисколько не участвовалъ, а вызубрилъ ихъ отлично. Позволяю себѣ привести нѣсколько начальныхъ ихъ строкъ оставшихся въ моей памяти, чтобы судить о тогдашнемъ произведеніи гимназическаго поэта:

На освобожденіе отечества отъ нашествія двунадесяти языкъ

Звучитъ на башнѣ мѣдь, часъ ночи роковой.
Проснися Славянинъ, се громы надъ главой.
Враги сомкнувшися полками
Идутъ по вѣсямъ и градами,
Идутъ и слѣдъ горитъ огнемъ.
Смиренна хижина—жилище простоты
И пастуха убогій кровъ,
Царей чертоги и боговъ
Въ развалинахъ лежатъ.
Ночь мрачна покрываетъ
Родимыя страны,
Рѣка кровава протекаетъ
И гибнутъ лучшіе сыны
Среди отеческихъ полей.
Проснися, Славянинъ, проснися,
Какъ Богъ громами воружися.
Отцовъ послѣдуя примѣрамъ,
Враговъ поверженъ, истребимъ;
Откроемъ гробы изувѣрамъ,
Ихъ прахъ развѣемъ по полямъ.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе побѣдъ Русскихъ надъ Галлами. Послѣдніе два стиха, сказанные мною громогласно:

И наше знамя водрузили
Парижа гордаго въ стѣнахъ

вызвали громкія рукоплесканія публики. При окончаніи акта архіерей вручилъ мнѣ поданный ему директоромъ аттестатъ, благословилъ меня съ добрыми пожеланіями, а губернаторъ передалъ мнѣ назначенную отъ дирекціи книгу. Я арскланивался на всѣ стороны, пришаркивая ногою по правиламъ танцовальнаго искусства, а кавалеры и дамы кивали мнѣ умильно головами. Чего еще больше—отроческое самолюбіе было вполнѣ удовлетворено. Но можетъ-быть, скажутъ, не слишкомъ ли ужь я себя расхвалилъ за все время быт-

ности въ гимназіи. Сказанное мною правда, я дѣйствительно во всѣхъ четырехъ классахъ былъ первымъ ученикомъ и этимъ обязанъ отличной памяти. Уроки, которые многіе изъ моихъ товарищей вытверживали часами, я выучивалъ минутами. Прочитавъ, разумѣется съ полнымъ вниманіемъ, каждый заданный по книгѣ или тетрадкѣ урокъ три-четыре раза, я шелъ къ матушкѣ или старшей сестрѣ, подавалъ имъ книгу или тетрадь, чтобъ онѣ смотрѣли такъ ли я буду говорить и весьма рѣдко запинался на какомъ-нибудь словѣ или фразѣ. Эта способность и исправное посѣщеніе классовъ давали мнѣ большое преимущество предъ прочими учениками при тогдашней методѣ ученія. Притомъ я какъ мальчуганъ былъ не дуренъ собою, по своему домашнему воспитанію держалъ себя въ классахъ солидно и одѣтъ былъ всегда чисто и опрятно. Все это вмѣстѣ нравилось учителямъ, которые даже меня немного и баловали при случаяхъ когда надо бы и пожурить. Вообще я убѣжденъ что всѣ воспитанники Нижегородской гимназіи не окончившіе и окончившіе курсъ вынесли объ ней благодарное воспоминаніе за пріобрѣтенныя свѣдѣнія и въ особенности за отеческое, кроткое обращеніе съ ними ихъ благодушныхъ наставниковъ. * По выходѣ моемъ изъ гимназіи, какъ директоръ, такъ и учителя настоятельно совѣтовали моимъ родителямъ не останавливать меня на полдорогѣ ученія и отправить въ университетъ. Родные вполнѣ раздѣляли это мнѣніе и съ охотой предлагали вещественную помощь; но отецъ мой былъ другаго образа мыслей. Будучи уже нѣсколько лѣтъ неизлѣчимо боленъ, погруженный съ утра до ночи въ

* Это качество господъ учителей Нижегородской гимназіи замѣчательно. Въ то же время въ столичной Московской гимназіи, какъ я знаю отъ своихъ сверстниковъ, допускались жестокія истязанія учениковъ оплеухами, тасканіемъ за волосы и за уши, розгами и палями (линейками по ладонямъ, которыя отъ ударовъ распухали). Эти расправы тѣмъ болѣе непонятны что циркулярными предписаніями министра народнаго просвѣщенія 1811 года марта 18го и 1814 февраля 14го тѣлесныя наказанія въ училищахъ строго воспрещались, съ угрозою удаленія отъ должности нарушившихъ это правило; а измѣненія этого правила въ послѣдующихъ постановленіяхъ до устава 1828 нѣтъ, какъ видно изъ сборника постановленій Министерства, изд. въ 1866 году. *Авт.*

молитвы и чтеніе священныхъ книгъ, и чуждый уже всѣхъ мірскихъ заботъ и помышленій, онъ, не бывъ самъ въ университетѣ, по какимъ-то вѣроятно полученнымъ имъ свѣдѣніямъ былъ твердо убѣжденъ что въ университетахъ распространено между студентами безвѣріе и безнравственность. Несмотря на всѣ старанія близкихъ къ нему людей и особенно почтеннаго нашего законоучителя, его духовника, которому онъ во всемъ безпрекословно повиновался, склонить его на дозволеніе продолжать мое ученіе въ университетѣ, онъ остался непреклоненъ и упросилъ дядю моего, нижегородскаго уѣзднаго судью, принять меня немедленно на службу въ число канцелярскихъ служителей уѣзднаго суда.

III.

Такимъ образомъ въ 1820 году, на четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, я поступилъ на службу канцеляристомъ. Дядя не смѣшалъ меня въ общей канцелярской комнатѣ съ грязными и зловонными подъячими, а распорядился помѣстить меня съ другимъ гимназистомъ за особый столъ въ присутственной комнатѣ. Проходя ежедневно къ своему мѣсту чрезъ канцелярію, я наглядѣлся на тогдашнихъ подъячихъ. Невозможно было безъ тяжелаго, грустнаго чувства видѣть этихъ оборванныхъ, необритыхъ и изнуренныхъ лишеніями бѣдняковъ, получавшихъ жалованья отъ 1 до 2 руб. и не болѣе 3 или 4 рублей въ мѣсяцъ, смотря по своему рангу: копіиста, подканцеляриста и канцеляриста; и повытчики получали не болѣе 6 или 8 рублей. Между тѣмъ ищущихъ и этихъ мѣстъ, особенно дѣтей тѣхъ же канцелярскихъ служителей, было множество. Холостяки почти и жили въ канцелярской комнатѣ, ложились спать на тѣхъ же столахъ на которыхъ они скрипѣли перьями днемъ, переписывая нескончаемыя бумаги. Добрѣйшій судья нашъ помогалъ имъ въ крайнихъ случаяхъ изъ своихъ скудныхъ средствъ. Не завидная была участь и присутствующихъ. Судья получалъ 300 р., дворянскіе засѣдатели по 250 р., сельскіе засѣдатели по 60 р. и секретарь по 150 р. въ годъ. Сидя въ присутствіи я могъ хорошо видѣть и понять какъ, кто и что дѣлалъ. Оказалось что всѣмъ судопроизводствомъ заправлялъ одинъ

судья. Изъ двухъ стариковъ дворянскихъ засѣдателей одинъ переписывалъ только съ бѣловыхъ журналовъ резолюціи въ настольный журналъ, а другой подписывалъ исходящія бумаги, какія ему подложатъ, и каждый старался поскорѣе убраться домой на покой и какъ говорили они, ко щамъ. Сельскіе засѣдатели никогда и не были въ присутствіи, по дѣламъ своихъ избирателей прикладывали свои печати гдѣ имъ прикажетъ секретарь и употреблялись больше на разсылки, за недостаткомъ для исполненія подобныхъ порученій единственнаго находившагося при судѣ сторожа. Секретарь былъ олицетворенный идеалъ служебнаго трудолюбія, онъ не только съ ранняго утра являлся въ судъ, но и всѣ вечера ежедневно проводилъ тамъ, переходя изъ присутствія въ канцелярію и изъ канцеляріи въ присутствіе. Постоянно пишущій, ворчащій на подъячихъ, буквальный исполнитель всякаго судебнаго обряда, онъ при всѣхъ этихъ качествахъ не имѣлъ способности составить дѣльную бумагу и окончательныя опредѣленія по производившимся гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, а потому и былъ только ревностнымъ ихъ исполнителемъ. Всѣ подобныя бумаги и опредѣленія писалъ судья, беря дѣла съ собой на домъ, а на другой день прочитывалъ написанное имъ рѣшеніе своимъ товарищамъ, дворянскимъ засѣдателямъ, которые всегда соглашались съ мнѣніемъ судьи. А кто помнитъ прежнее значеніе уѣзднаго суда, какъ первой инстанціи и по уголовнымъ и по гражданскимъ дѣламъ, тотъ хорошо знаетъ какое множество разнообразныхъ дѣлъ производилось въ этомъ судѣ, находящемся подъ указами и гражданской, и уголовной, и казенной палатъ, и губернскаго правленія и исполняющемъ требованія губернатора; а потому уѣздный судъ, по понятіямъ старыхъ служакъ, дѣйствительно считался школою для вступающихъ въ гражданскую службу. Сидя за особымъ столомъ въ присутствіи, намъ поручено было составленіе изъ уголовныхъ дѣлъ, какъ называлось тогда, экстрактовъ, то-есть извлеченія сущности самаго дѣла и сопровождавшихъ преступленіе обстоятельствъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ; но секретарь не дозволялъ намъ здѣсь умствовать и сокращать дознанія или показанія, а потому выходили изъ экстрактовъ почти копіи съ самыхъ дѣлъ, которыя и представлялись съ подлинными дѣлами въ уголовную палату. Мы имѣемъ теперь новые

законы и новыя судебныя учрежденія. По вспомнивъ непреложную истину что совершенства въ человѣческихъ законахъ и ихъ исполнителяхъ невозможно достигнуть, мы не будемъ съ пренебреженіемъ относиться и къ прежнимъ судебнымъ дѣятелямъ, которые по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ исполняли свой долгъ, не имѣя ни Свода Законовъ, ни юридическаго образованія.

Сдѣлавшись по вступленіи въ службу какъ бы гражданиномъ общества, я получилъ дозволеніе принимать маленькое участіе и въ общественной жизни. Первое веселое развлеченіе, которое безъ сомнѣнія мнѣ очень понравилось, былъ театръ, куда меня брали родные въ абонированную ложу. * Онъ содержался княземъ Шаховскимъ, который былъ не только страстнымъ любителемъ сценическаго искусства, но и сочинителемъ нѣкоторыхъ водевилей и прологовъ къ сценамъ. Господствующій репертуаръ театра заключался тогда въ представленіи переводныхъ драмъ Коцебу, въ которыхъ обрисовывались и пороки и добродѣтели дѣйствующихъ лицъ, но въ концѣ всегда добродѣтель торжествовала надъ порокомъ. Конечно, въ моемъ возрастѣ больше нравились волшебныя піесы съ разными шутовскими разговорами и превращеніями и веселенькіе водевили, безъ всякихъ нынѣшнихъ двусмысленныхъ и скандальныхъ куплетовъ. Были даже русскія оперы съ національными лѣснями, и какъ это было пріятно для неизбалованнаго еще тогда нѣмецкою и италіянскою музыкой русскаго слуха и чувства. Князь Шаховской, передовой въ свое время человѣкъ, вздумалъ поставить на сцену драму *Негры въ неволѣ;* но она не пошла въ ходъ, потому что слишкомъ намекала на крѣпостное право и слѣдовательно не нравилась большинству посѣтителей театра. За то онъ умѣлъ и польстить губернскимъ властямъ. Такъ наканунѣ Новаго Года онъ сочинилъ прологъ, въ которомъ добрый геній разсыпалъ изъ своей урны всѣмъ блага міра сего на будущій годъ, а предъ опускающимися затѣмъ съ облаковъ вензелями губернатора, вице-губернатора, прокурора и губернскаго предводителя, восхвалялъ ихъ подвиги къ сохраненію въ губерніи въ прошедшій годъ правосудія, порядка, тишины и общаго благосостоянія народа,

* Ложа бель-этажа стоила 120 руб. въ годъ за три представленія въ недѣлю.

съ пожеланіемъ имъ и на будущій годъ благоденствовать и также сохранять горячую любовь и преданность къ своему призванію на мѣстахъ государственной службы. Не могу объяснить кого, какъ и откуда набиралъ содержатель театра въ актеры и актрисы; но по отзыву нижегородскихъ театраловъ, онъ, какъ знатокъ своего дѣла, предварительно подражалъ столь извѣстному потомъ въ Москвѣ директору Московскихъ театровъ Кокошкину, который умѣлъ замѣчать таланты, воспитывать ихъ подъ своимъ руководствомъ и создать артистовъ украшавшихъ Московскую театральную сцену. Было бы нелѣпо дѣлать сравненіе нижегородскихъ актеровъ съ московскими, которыхъ я увидѣлъ въ 1824 году, но съ ничтожными противъ Москвы средствами, князь Шаховской удовлетворялъ своимъ театромъ вкусу и требованіямъ нижегородскаго общества и между его актерами были замѣчательные, возбуждавшіе фуроръ въ провинціальной публикѣ, съ вызовами, рукоплесканіями и подарками. Эти послѣдніе заключались не въ вѣнкахъ и букетахъ, о которыхъ не имѣли понятія, а въ деньгахъ. Тотъ или другой изъ вліятельныхъ театраловъ, въ антрактахъ, вынималъ свой кошелекъ (портмоне не существовало) и обходилъ въ креслахъ и ложахъ своихъ знакомыхъ, приглашая положить въ его кошелекъ 1, 2, 3 рубля; такимъ образомъ собиралась порядочная сумма. По окончаніи представленія, при вызовѣ актера или актрисы, кошелекъ бросался на сцену. Конечно изъ гонора, его подымали по опущеніи занавѣса, но эти довольно частые подарки, особенно въ бенефисы, поощряли артистовъ, получавшихъ весьма скудное содержаніе отъ дирекціи. Бывало, замѣтятъ что герой и героиня піесы худо одѣты, при бросаніи кошелька кричали: „на платьѣ“ или „на костюмъ“. Этимъ не обижались и въ слѣдующій разъ дѣйствующее лицо являлось въ новомъ лучшемъ костюмѣ. Вообще вспоминая о Нижегородскомъ театрѣ, и послѣ Московскаго, могу выразить свое убѣжденіе что репертуаръ его, изъ драмъ, комедій, водевилей, оперъ, исполняемъ былъ для провинціи вполнѣ удовлетворительно и по тогдашнему выбору піесъ производилъ на зрителей пріятное впечатлѣніе. Мы уже сказали что нижегородское городское общество было между собою дружно и весело. Между веселящимися кружками выдѣлялся одинъ, который прозвали Св—кой шайкой. Дѣло

вотъ въ чемъ. Въ Нижнемъ была, какъ я уже упомянулъ, такъ-называемая солевозная коммиссія. Управляющій этою коммиссіей былъ Св—въ, добрѣйшее существо, какъ называли его сослуживцы, и съ желѣзнымъ здоровьемъ. Эпикуреецъ въ полномъ смыслѣ, онъ проводилъ не лишенную и въ тогдашнее время сочувствія идею жить для удовольствія, сохранивъ однакожь прекрасное правило: живи и жить давай другимъ. Былъ ли онъ самъ по себѣ богатъ, или служба безъ обиды другихъ доставляла ему достаточныя средства къ роскошной жизни, мы не знаемъ, но по крайней мѣрѣ до смѣны его, по уничтоженіи солевозной коммиссіи, не было ничего слышно чтобы Св—въ сдѣлалъ что-нибудь безчестное и лозорящее его въ обществѣ. Его любили за его открытый нравъ, веселость и небезобразные разгулы, которые онъ раздѣлялъ со своими сослуживцами. Нѣсколько троекъ лѣтомъ и зимой летящихъ по городу къ тому или другому мѣсту указывали Св—ва и К°. Но въ извѣстное время онъ устраивалъ праздники на которыхъ участвовала и лучшая городская публика. Такъ бывало на Святкахъ, Масляницѣ и на Святой Недѣлѣ; здѣсь являлись катанья на колоссальныхъ лодкахъ, запряженныхъ въ восемь и десять лошадей, съ разнообразными украшеніями, музыкой и пѣсенниками. На этихъ лодкахъ проѣзжавшіе по городу въ назначенномъ мѣстѣ имѣли роскошный пикникъ съ танцами и катаньями съ зимнихъ или лѣтнихъ горъ. Несмотря однакожь на безупречное какъ казалось личное поведеніе Св—ва, помощники его по солевозной коммиссіи по выпускѣ соли изъ амбаровъ являлись уже достаточно обезпеченными чиновниками, имѣя небольшіе дома и хорошую житейскую обстановку. Загадку эту объясняли просто. На баркахъ съ мѣстъ соляныхъ промысловъ, повѣренные или прикащики ухитрялись положить болѣе соли противъ офиціальнаго счета или накладной, и затѣмъ весь излишекъ продавали, разумѣется за самую дешевую цѣну, пріемщикамъ въ амбары, изъ которыхъ, конечно, соль выпускалась по опредѣленной въ Нижнемъ цѣнѣ. Съ исчезновеніемъ этого своего рода оригинала, явилась въ Нижнемъ совершенно новая компанія, съ новою обстановкой и съ другими взглядами на общественную жизнь. Мы разумѣемъ пріѣздъ извѣстнаго инженернаго генерала Бетанкура, для постройки Нижегородской ярмарки. Появленіе его съ этою цѣлью

и огромными денежными средствами изъ С.-Петербурга съ семействомъ и многочисленною свитой молодыхъ инженеровъ, не могло не произвести значительнаго измѣненія во многихъ кругахъ Нижегородцевъ. Выстроенный для его помѣщенія и для канцеляріи съ техническими отдѣлами большой каменный домъ, противъ проектированныхъ построекъ для ярмарки, сдѣлался сборнымъ въ нѣкоторые дни мѣстомъ для нижегородской аристократіи, разумѣется съ большими расходами на наряды. Сначала молодые инженеры не были очень замѣтны; но съ развитіемъ и усиленіемъ работъ по ярмарочной постройкѣ, они явились на первомъ планѣ. И щегольской костюмъ, и экипажи и свѣтскій тонъ, сравнительно съ нижегородскими служаками, обратили на нихъ вниманіе. Они принимались въ домахъ съ полнымъ удовольствіемъ и сочувствіемъ и отцами и матерями и тѣмъ болѣе дочерями-невѣстами. У Бетанкура, губернатора, въ Дворянскомъ Собраніи и въ частныхъ домахъ они были, какъ говорится, душой общества, умѣя въ своихъ мундирахъ хорошо танцовать, поболтать на французскомъ языкѣ и побалагурить острымъ и кокетливымъ словечкомъ съ дамами. Блестящія кавалькады ихъ, на отличныхъ лошадяхъ съ дочерьми Бетанкура, изъ которыхъ одна была, по общему мнѣнію, въ полномъ смыслѣ красавица, представляли невиданныя тогда Нижегородцами зрѣлища. Вообще Нижній переродился, сталъ общежительнѣе, веселѣе, нарядѣе и богаче прежняго. Даже частныя лица не вступавшія ни въ какія промышленныя и коммерческія сдѣлки увеличили свой доходъ отдачею внаймы во время ярмарки своихъ домовъ или части ихъ за весьма высокія цѣны. Въ первые года ярмарка помѣщалась въ деревянныхъ лавкахъ и не было большихъ, хорошихъ гостинцъ, а потому пріѣзжіе купцы и ломѣщики изъ деревень или другихъ городовъ искали квартиръ въ городѣ, гдѣ за какія-нибудь двѣ-три комнаты платили по 150 и 200, а получше и по 300 р. При этихъ цѣнахъ не токмо бѣдные, но и довольно богатые домовладѣльцы съеживались съ своимъ семействомъ въ половинѣ или и менѣе своего обыкновеннаго помѣщенія и доходъ отъ найма шелъ на удовлетвореніе не однѣхъ нуждъ, а главное на женскія моды, столь соблазнительныя на ярмаркѣ въ такъ-называемомъ модномъ ряду. Въ самомъ дѣлѣ,

послѣ Нижегородскаго базара, какъ ослѣпительна показалась всѣмъ ярмарка съ своими столь разнообразными, изящными и дешевыми противъ городскихъ цѣнъ товарами. Кто только имѣлъ возможность, закупалъ себѣ все нужное на цѣлый годъ. Почти ежедневное путешествіе на ярмарку въ экипажахъ или пѣшкомъ, несмотря и на страшную пыль, жаръ или грязь, сдѣлалось необходимою потребностію всѣхъ барынь съ семьей или компаніей. Надо непремѣнно пробѣжать ряды, лавки, хотя бы не купить ни на грошъ. Но все-таки въ концѣ ярмарки всѣ похвалялись своими покупками для домашняго обихода и запасались на круглый годъ чаемъ и бакалейными товарами въ домовыхъ чуланахъ.

Такъ шли года; ярмарочные ряды быстро строились, расширялись дома, гостиницы увеличивались и никто изъ Нижегородцевъ не предвидѣлъ катастрофы которая разразилась въ Нижнемъ въ 22 или 23 году. Случилось событіе, которое не только разрознило общество, но поставило многихъ въ самыя враждебныя отношенія другъ къ другу.

Въ Нижегородскомъ казначействѣ сосредоточивались огромныя суммы отъ казенной продажи соли изъ самыхъ обширныхъ въ государствѣ Нижегородскихъ соляныхъ магазиновъ. Казначеемъ былъ нѣкто П—въ, пріобрѣтшій громкую извѣстность глубокимъ знаніемъ дѣла и безпримѣрною аккуратностію. Онъ пользовался полною довѣренностію не только членовъ казенной палаты, но и всего губернскаго начальства. Самыя богатыя и извѣстнѣйшія по своему званію лица охотно подписывались за него поручителями *. Начальники говорили что этотъ человѣкъ могъ бы быть не уѣзднымъ, а государственнымъ казначеемъ. По этому безусловному довѣрію, свидѣтельство суммъ съ повѣркою кассовыхъ книгъ хотя производилось по формѣ неупустительно перваго числа каждаго мѣсяца (а о внезапномъ свидѣтельствѣ суммъ со стороны губернатора или казенной палаты не было и помину), но члены палаты, какъ говорили, пріѣзжая 1го числа въ казначейство послѣ присутствія, ограничивались одною формальностью, перебрасывая закрытыя пачки денегъ въ 5, 10, 15 и 20 тысячъ и удостовѣрясь что итоги съ книгами казначейства вѣрны, подписывали установленнымъ по-

* Казначеи по закону не иначе опредѣлялись какъ съ опредѣленнымъ залогомъ или поручительствомъ.

рядкомъ свидѣтельство суммъ, безъ всякой ловѣрки точности итоговъ со счетами казенной палаты. Они и слѣшили дѣломъ, потому что изъ ближайшей комнаты къ казначейству проносился къ нимъ очень пріятный запахъ пирога съ закусками, а аппетитъ уже былъ возбужденъ послѣ утреннихъ занятій.

Такъ велись дѣла нѣсколько лѣтъ, и безаконныя, замаскированныя дѣйствія казначея обнаружились неожиданно. На вакантное мѣсто совѣтника палаты по счетной части назначенъ былъ чиновникъ изъ Министерства Финансовъ С—г—нъ. Онъ, занявшись ловѣркою кассовыхъ книгъ казначейства съ книгами и документами палаты, пришелъ къ заключенію что въ казначействѣ недостаетъ по счетамъ до 150.000 р. Докладъ его объ этомъ разслѣдованіи разумѣется ошеломилъ членовъ казенной палаты, но съ доводами совѣтника должны были согласиться, и тутъ-то началась исторія. Вице-губернаторъ Стр—въ, человѣкъ вспыльчивый, распорядился, вѣроятно съ разрѣшенія губернатора, немедленно арестовать П—ва до 1го числа *, запечатать казначейство, а равно и всѣ сундуки, коммоды и пр. въ квартирѣ казначея и сдѣлать опись его имущества въ присутствіи совѣтника губернскаго правленія и полицеймейстера.

При разборѣ всѣхъ документовъ нашли расписки двухъ купцовъ въ займѣ у казначея болѣе 100.000 р.; съ нихъ потомъ было взыскано вдвое по существующимъ узаконеніямъ. Къ сожалѣнію, нашлись и расписки въ займѣ очень маловажныхъ суммъ мелкихъ торговцевъ и записки казначея о выдачѣ ссудъ подгороднымъ безграмотнымъ крестьянамъ, изъ коихъ многіе заявляли что деньги они давно возвратили; но это не было принято въ уваженіе и деньги взысканы, потому что казначей ничего не могъ ни подтвердить, ни опровергнуть. Слывъ благодѣтелемъ, онъ раздавалъ деньги нуждающимся и не велъ никакого правильнаго разчета по этой незаконной операціи. Довѣренность къ нему такъ была велика что при ревизіи коммиссіи найдены въ книгахъ двойныя расписки получателя, помощника почтмейстера Г—ва, въ полученіи для отправленія въ губернское казначейство

* Въ этомъ многіе его укоряли послѣ, предполагая что казначей для безопасности своей къ 1 числу вѣроятно доложилъ бы деньги изъ извѣстныхъ ему источниковъ.

200.000 руб. На дому у казначея денегъ не нашли и всѣ записки и бумаги были описаны и запечатаны. Ревизія, однакожь, доказала приблизительную вѣрность разчета новаго совѣтника, хотя казначей утверждалъ что суммы должно-быть всѣ. Сначала члены палаты и другія прикосновенныя къ этому дѣлу лица полагали пополнить начетъ съ соразмѣрною на каждаго раскладкой, не доводя до свѣдѣнія высшаго начальства. Но здѣсь-то и встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Каждый признавалъ себя менѣе виновнымъ и указывалъ на другихъ, и затѣмъ начались догадки, предположенія, подозрѣнія, изобличенія, ссоры и самыя дерзкія выходки. Общество, разумѣется, принимало участіе въ этой грязной распрѣ, раздѣлилось, вѣрило однимъ, обвиняло другихъ, и спокойствіе, и дружба, и пріязнь исчезли. Наконецъ неизбѣжно было донести министру финансовъ о растратѣ казенныхъ суммъ. Явилась коммиссія отъ министерства и вывела недостатокъ суммъ не на 150.000 р., а болѣе 600.000 рублей ассигн. По этому поводу Г—въ при слѣдствіи показалъ что онъ расписался въ книгѣ въ принятіи отъ казначея 200 тыс. руб., но на другой день казначей пріѣхалъ въ почтамтъ съ другою книгой, объяснивъ что расходъ былъ внесенъ по ошибкѣ не въ ту книгу и просилъ его расписаться въ привезенной, удостовѣривъ что прежняя статья уничтожена съ надлежащею отмѣткой. Онъ не усомнился расписаться въ другой разъ въ одной и той же суммѣ, а хотя при слѣдствіи казначей указывалъ и на эту поступившую будто бы въ расходъ сумму, но по свѣркѣ кассовыхъ книгъ оказалось что означенныхъ новыхъ 200 тыс. руб. не могло быть въ то время въ казначействѣ. Старикъ Г—въ былъ оправданъ, подвергнувшись однакожь всѣмъ неудобствамъ слѣдствія. Но при всѣхъ трудахъ коммиссіи и слѣдственной полиціи не раскрыта причина растраты самой значительной суммы. Казначей давалъ уклончивыя, неопредѣленныя и разнорѣчивыя показанія, и затѣмъ умеръ въ острогѣ. Сколько было тутъ догадокъ, и пересказать нельзя. Но все-таки, при умѣренной и трезвой жизни П—ва, засвидѣтельствованной уважаемыми въ городѣ сосѣдями его, никто не разрѣшилъ загадки, какимъ образомъ, для кого и для чего истрачены П—вымъ казенныя деньги (кромѣ открытыхъ незаконныхъ расходовъ): онъ тайну свою унесъ въ могилу. По возвращеніи коммиссіи въ Петербургъ, по-

слѣдовало распоряженіе министра финансовъ (въ какую оно было облечено форму, не знаю) чтобы на пополненіе недостающей суммы продать съ аукціоннаго торга недвижимое и движимое имущества сначала губернскаго казначея, потомъ вице-губернатора, какъ предсѣдателя казенной палаты, затѣмъ членовъ палаты и, въ случаѣ недостатка, взыскать остальную сумму съ поручителей по казначеѣ. Это распоряженіе было исполнено губернскимъ правленіемъ. Губернскимъ казначеемъ былъ мой дѣдъ; съ нимъ вмѣстѣ жили, кромѣ дочерей, и три сына, занимавшіе значительныя должности въ городѣ. При старыхъ, почти патріархальныхъ отношеніяхъ между родителями и взрослыми дѣтьми, дѣдъ былъ не только полновластный хозяинъ въ домѣ, но и распоряжался денежными средствами сыновей. Когда онъ имѣлъ въ виду купить какое-либо имѣніе или землю, онъ бралъ у нихъ какія были деньги, и ему не противились, несмотря на то что онъ всѣ акты совершалъ на свое имя. Можете представить каково было его положеніе когда все нажитое общими силами состояніе было потеряно. Имѣніе съ торговъ осталось за П—вымъ, кажется, егермейстеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта, а съ такою особой въ то время не могло быть конкурренціи. П—въ давно желалъ купить смежныя съ его владѣніями имѣнія дѣда, который однакожъ на эту продажу не соглашался. Достигнувъ своей цѣли, онъ изъ-за какой-то странной мести даже не хотѣлъ удовлетворить самой маловажной просьбы потерявшей все имѣніе семьи. Это была просьба тетокъ чтобъ оставить у нихъ за выкупъ ходившихъ за ними двухъ дѣвушекъ, къ которымъ онѣ привыкли съ малолѣтства. П—въ вытребовалъ ихъ какъ крѣпостныхъ, уже ему принадлежащихъ. Въ это тяжкое для родныхъ моихъ время я уразумѣлъ въ молодости моей какимъ переворотамъ подвержена жизнь людей считавшихъ себя обезпеченными отъ всѣхъ матеріальныхъ заботъ. Давно ли дядя мой, бравшій меня въ деревню дѣда, говорилъ мнѣ что все это имѣніе будетъ ваше, мы уже стары чтобы жениться. Дѣдъ, обладавшій самымъ крѣпкимъ здоровьемъ, не перенесъ своего несчастія, здоровье его быстро разрушалось. Бѣдный дѣдушка, какъ теперь помню, въ своемъ бѣломъ халатѣ и колпакѣ, забивался въ самую глушь сада (домъ былъ записанъ на имя бабушки и потому не былъ проданъ)

съ молитвенникомъ и сидѣлъ тамъ до обѣда или ужина. Ему, безъ сомнѣнія, тяжело было глядѣть на дѣтей, которыхъ онъ оставилъ въ бѣдности, лишивъ ихъ и пріобрѣтеннаго ими состоянія. Душевныя и тѣлесныя страданія его прекратились смертью до окончательнаго рѣшенія дѣла. Старшій дядя мой, губернскій прокуроръ, призналъ распоряженіе министра финансовъ совершенно беззаконнымъ и отправился въ Петербургъ. * Будучи управляющимъ имѣніями въ Нижегородской губерніи И. М. Карамзина, онъ подалъ ему записку о дѣлѣ и просилъ покровительства. Извѣстно что къ нашему знаменитому исторіографу заѣзжалъ императоръ Александръ и выслушивалъ нѣкоторыя обработанныя имъ историческія статьи. Въ одно изъ этихъ посѣщеній Карамзинъ осмѣлился доложить государю о дѣлѣ, обращая особенное вниманіе его на то что члены казенной палаты лишены имущества безъ суда. Государь выразился что этого быть не можетъ, принялъ записку отъ Карамзина и повелѣлъ разсмотрѣть дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ. По высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, сдѣлана была на законномъ основаніи раскладка взысканія для пополненія растраченной казенной суммы между членами казенной палаты и прикосновенными къ дѣлу лицами, и по этому опредѣленію дядѣ съ братьями возвращены довольно значительныя для тогдашняго времени суммы изъ числа полученныхъ денегъ отъ продажи всего имѣнія умершаго уже дѣдушки, а затѣмъ всѣ виновные прощены по всемилостивѣйшему манифесту при восшествіи на престолъ императора Николая Павловича.

V.

Въ 1824 году пріѣхалъ къ намъ на лѣтнюю вакацію меньшой братъ мой, который поступилъ въ Московскій Университетъ студентомъ по медицинскому факультету въ 1823 году, послѣ кончины родителя. ** Онъ возмутилъ мое спокойствіе, убѣждая меня оставить столь незавидную и мало

* Разказываю со словъ дяди.

** Братъ умеръ отъ чумы въ 1828 году, во время Турецкой кампаніи, при взятіи Варны, какъ и многіе другіе его товарищи по службѣ.

обѣщающую подъяческую карьеру и поступить въ университетъ, откуда, получивъ чрезъ три года ученое званіе или степень съ правомъ на классные чины 12 или 10 класса, я могу вполнѣ надѣяться на занятіе должности которая дастъ мнѣ возможность проложить вѣрную дорогу къ лучшей и почетной гражданской дѣятельности. Бывшіе мои гимназическіе учителя, сохранившіе ко мнѣ свое прежнее расположеніе, поддерживали мое намѣреніе и предложили мнѣ возобновить въ моей рѣдкой памяти не совсѣмъ забытый гимназическій курсъ. Такимъ образомъ послѣ слѣпной подготовки къ университетскому экзамену былъ рѣшенъ отъѣздъ въ Москву, къ глубокому прискорбію матушки, которой сильно не хотѣлось разстаться и съ другимъ сыномъ, несмотря на всѣ убѣжденія что эта разлука недолговременная, что мы можемъ быть у нея и два раза въ годъ во время вакаціи, а по окончаніи университетскаго курса будемъ полезны для нея и семейства. Для препровожденія насъ въ Москву вытребованъ былъ изъ нашего имѣнія староста Яковъ Шокоровъ на его лошадяхъ, которыхъ онъ имѣлъ нѣсколько со своими нераздѣльными сыновьями, и эти лошади въ то время отличались необыкновенными силою и ростомъ и продавались ремонтерамъ. Въ повозкѣ, запряженной двумя такими лошадьми, отправились мы съ братомъ въ Москву, съ огромнымъ запасомъ домашнихъ съѣстныхъ приласовъ, рекомендательными письмами, но съ самыми незначительными денежными средствами. Разставанье съ матерью и сестрами было горестное и тяжелое. Едва мы выѣхали въ поле на дорогу, мнѣ стало такъ жаль своего родимаго покойнаго гнѣзда что я готовъ былъ рѣшиться поворотить назадъ оглобли своей повозки, еслибы не удержали меня совѣты брата и стыдъ въ семнадцать лѣтъ опять возвратиться домой, простившись со всѣми съ опредѣленною уже цѣлію. Я упомянулъ что мы поручены были старостѣ нашей деревни и назвалъ памятное его имя и прозвище. Дѣйствительно, нельзя его не помнить. Онъ былъ не только нашимъ вощикомъ, но и опытнымъ пестуномъ во всю дорогу. На всѣхъ постоялыхъ дворахъ, гдѣ мы останавливались, объяснивъ что везетъ своихъ барчатъ въ Москву учиться, не прежде отправлялся къ своимъ лошадямъ для уборки и задачи корма и затѣмъ къ своему обѣду, ужину и отдыху, пока не принесетъ всего нужнаго для насъ: кульки,

самоваръ для чаю, матрасики и подушки съ одѣялами; не пойдетъ на ночь спать пока мы не уляжимся и не заснемъ, и больно жалѣлъ, когда принужденъ былъ будить насъ рано утромъ чтобы до жару отѣхать въ 35 или даже 40 верстъ станцію на своихъ крѣпкихъ лошадяхъ. Старая дорога къ Москвѣ чрезъ Муромъ по нагорной сторонѣ Волги живописна. При хорошемъ зрѣніи вы видите на противоположной луговой сторонѣ на 20 и 30 верстъ пространство покрытое лѣсами, отдѣльными рощами, полями, съ заливною травой и хлѣбными растеніями, деревнями, селами съ возвышающимися церквами, а по рѣкѣ нагруженныя барки, разшивы, съ своими многочисленными рабочими и лошадьми. Эта картина прекрасна и ею всегда любовались путешествующіе, останавливаясь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и выходя изъ своихъ экипажей. На проѣзжей, широкой и хорошей по своему грунту дорогѣ красовались по обѣимъ сторонамъ, въ два ряда, еще небольшія липовыя деревья, посаженныя на дорогахъ по распоряженію правительства въ 1818 и 1819 годахъ. Затѣмъ мы спустились внизъ по теченію Волги, и пріятный кругозоръ прекратился. Во все время пути встрѣчались огромнѣйшіе обозы съ разными товарами, возвращавшимся съ Нижегородской ярмарки. Въ прежнее время ярмарка оканчивалась въ концѣ іюля, а теперь только начинается съ этого времени. Любопытно вспомнить этотъ типъ вощиковъ прежнихъ временъ. Что это былъ за народъ, богатырскій, высокій, широкоплечій, мускулистый и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда веселый. Какъ теперь гляжу, когда они смазывали колеса на своей огромной телѣгѣ, поднявъ на плечи съ одной стороны всю тягость поклажи въ 25 или 30 пудовъ, подвигали и передвигали за оглобли безъ лошадей телѣги къ тому или другому мѣсту. Но надобно было видѣть какъ они и кушали, чему мы были очевидцы не однократно, оставаясь въ огромной общей комнатѣ постоялаго двора. Вощики послѣ задачи корма лошадямъ и по приведеніи въ порядокъ телѣги и упряжи входили одновременно въ комнату въ числѣ 15 или 20 человѣкъ. Помолятся предъ образами, всегда съ лампадами въ переднемъ углу, предъ обѣденнымъ столомъ, и льютъ по небольшому стакану вина, которое подноситъ каждому хозяинъ или хозяйка съ поклономъ. Садятся за столъ на которомъ лежатъ уже коровai ржанаго и пшеничнаго хлѣба. Подается сначала горячее и непремѣнно два,

въ скоромные дни щи и лапша, въ постные—солянка и картофельный или другой взваръ; потомъ пироги, жареная баранина, солонина или соленая рыба, каша гречневая или пшеничная на молокѣ и наконецъ медъ какъ пирожное. Все это съѣдается медленно, ложка за ложкой, кусокъ за кускомъ, съ разстановкой, заливая въ промежуткахъ квасомъ. Иногда слышится голосъ: прибавь хозяйка того или другаго кушанья, и противъ этого требованія не могло быть никакого возраженія при большой конкурренціи постоялыхъ дворовъ по большой, столбовой, ярмарочной дорогѣ. Послѣ обѣда, когда вощики помолятся Богу, немедленно подается на тотъ же столъ гигантскій самоваръ ведра въ два и начинается чаепитіе, продолжающееся очень долго, съ подливаніемъ горячей воды. Потъ льетъ съ водопойцевъ струей и разговоры льются рѣкой. Наконецъ все смолкаетъ, обѣдавшіе или ужинавшіе (между обѣдомъ и ужиномъ относительно блюдъ не было различія) отправляются на отдыхъ въ сѣновалы, заплативъ за все, сколько помнится, до 50 или 60 копѣекъ ассигнаціями съ человѣка. Кулеческіе прикащики, сопровождающіе обозы, обыкновенно кушали и отдыхали въ отдѣльной комнатѣ, имѣя безъ сомнѣнія съ собою разные съѣстные и питейные запасы.

Наконецъ на седьмой день вечеромъ отъ выѣзда изъ Нижняго возница указалъ намъ на мелькающую въ сумракѣ Москву. При самомъ приближеніи къ ней я уже почувствовалъ зловонный воздухъ, особенно непріятный и тяжелый послѣ семидневнаго проѣзда по открытой полевой дорогѣ. Со стороны Рогожской заставы Москва не представляетъ никакого особеннаго вида на которомъ бы могло остановиться внимательное зрѣніе путешественника, и притомъ мы въѣхали въ заставу почти ночью. Проѣзжая Рогожскую улицу и далѣе, я подумалъ что задохнусь отъ разныхъ вонючихъ испареній въ улицахъ и переулкахъ, и ждалъ съ нетерпѣніемъ какого-нибудь болѣе пріятнаго ночлега въ закрытой комнатѣ. Вощикъ привезъ насъ въ извѣстную ему такъ-называемую тогда Украинскую гостиницу, въ самомъ тѣсномъ переулкѣ между Никольской и Ильинской улицами. Дали намъ нумеръ, съ платою въ сутки по четвертаку. Внесли нашъ незавидный багажъ и указали кровати и другія принадлежности, и все это было грязно, нечисто, а

атмосферная зараза казалась невыносимою, тѣмъ болѣе при шумѣ и говорѣ въ корридорахъ и на дворѣ. Я не спалъ почти всю ночь, понялъ и испыталъ что̀ значитъ тоска по родинѣ. Рано утромъ, напившись чаю, отправились съ братомъ въ университетъ, онъ въ свой студенческій нумеръ, а я съ своими рекомендательными письмами къ профессору Перелогову и къ бывшему тогда инспекторомъ казенныхъ студентовъ профессору Сандунову. Первое письмо было отъ брата или близкаго родственника Перелогова, соборнаго нижегородскаго протоіерея, а второе отъ моего дяди, губернскаго прокурора. Братъ провелъ меня по оживленной торговой Ильинской улицѣ на Красную Площадь и затѣмъ въ устроенный уже Александровскій Садъ, гдѣ мы посидѣли и освѣжились свѣжимъ воздухомъ въ прекрасныхъ липовыхъ аллеяхъ. Затѣмъ, подходя къ зданіямъ университета, этого, какъ говаривалось, святилища наукъ, взглянувъ на ихъ громадные для меня размѣры, и мелькомъ сообразивъ о своемъ настоящемъ положеніи, я невольно оробѣлъ предъ встрѣчей съ профессорами. Братъ указалъ мнѣ квартиру Перелогова и ободрилъ, удостовѣряя что это одинъ изъ добрѣйшихъ и уважаемыхъ профессоровъ, а о Сандуновѣ сказалъ что это человѣкъ хотя весьма строгій, но справедливый и сочувствующій студенческимъ нуждамъ. Квартира Перелогова была тамъ гдѣ нынѣ находится техническая лабараторія; въ томъ же помѣщеніи жилъ отдѣльно экономъ, рядомъ со столовой студентовъ, гдѣ теперь аудиторія. Перелогова я засталъ еще въ халатѣ, за чайнымъ столомъ съ семействомъ. Меня немедленно приняли послѣ подачи моего письма. Почтенный, уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ профессоръ обласкалъ меня какъ нельзя больше, одобрилъ мое намѣреніе получить университетское образованіе, обрисовалъ его выгоды для будущей жизни и обѣщалъ свое содѣйствіе къ помѣщенію меня на казенныхъ квартирахъ въ университетѣ. Однимъ словомъ, я былъ обвороженъ пріемомъ Перелогова и вынесъ на всю мою жизнь глубокое, душевное къ нему уваженіе и признательность за столь дорогое участіе. Отъ Перелогова я отправился къ Сандунову, который мнѣ показался совсѣмъ другаго рода профессоромъ, по своему образованію и разговору. Онъ жилъ въ Пушкинскомъ, нынѣ такъ-называе-

момъ ректорскомъ корпусѣ, въ половинѣ верхняго этажа. Прочитавъ лисьмо дяди, онъ сказалъ: „Ты, батенька (это слово было его поговоркой), пріѣхалъ учиться,—дѣло хорошее, но учись, а не шалопайничай, чтобы сдѣлаться полезнымъ себѣ и другимъ. Стулай теперь съ Богомъ на экзаменъ, и послѣ, если будешь принятъ въ студенты, приходи ко мнѣ, я распоряжусь помѣстить тебя въ казенныхъ нумерахъ, но помни наперед что ты здѣсь долженъ забыть матушкины перинки, подушки, пирожки и лакомства, а сидѣть и спать на жесткой постилкѣ, довольствуясь грубою общею пищей изъ котла. Не забывай русскую правдивую пословицу: сытое брюхо къ ученью глухо.“ Съ этимъ наставленіемъ возвратился я въ свою скверную камеру Украинскаго подворья, гдѣ ожидалъ меня братъ съ извѣстіемъ о времени и мѣстѣ пріемныхъ экзаменовъ. Въ то же время пришелъ проститься съ нами и старикъ Шокоровъ. Онъ нашелъ себѣ сѣдоковъ до Владиміра, и несмотря на всѣ наши убѣжденія, не принялъ отъ насъ пятирублевой ассигнаціи, отзываясь что онъ разчитается по всѣмъ расходамъ съ матушкой. Поцѣловавъ насъ, онъ осѣнилъ насъ крестнымъ знаменіемъ, говоря: „Не брезгуйте и моимъ благословеніемъ вмѣсто отца, котораго вы лишились, а я, старикъ, помолюсь за васъ“. Замѣчательная черта въ крестьянинѣ и притомъ при крѣпостномъ правѣ. Въ назначенный день вечеромъ я со страхомъ и трепетомъ отправился на экзаменъ въ университетъ. Засѣданіе экзаменаціонной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ ректора Проколовича-Антонскаго, было въ залахъ университетскаго правленія (гдѣ теперь физіологическій и фармакологическій кабинеты). Въ первой залѣ, заставленной столами и всѣми письменными принадлежностями, собрались экзаменующіеся, разнородныхъ состояній и въ разнообразныхъ одеждахъ. Въ присутствіе, отгороженное отъ первой залы стеклянною сверху до низу аркой съ большими дверями, вошли ректоръ и экзаминаторы, и скоро одинъ изъ нихъ вынесъ намъ темы для сочиненій на русскомъ и латинскомъ языкахъ и распорядился разсадкой насъ по столамъ. Затѣмъ чрезъ нѣсколько времени начали вызывать экзаменующихся въ присутствіе для устныхъ испытаній, безъ всякихъ билетовъ, группами по десяти и двѣнадцати человѣкъ,

по алфавитному списку. * Въ этотъ вечеръ были экзаминаторами профессоры: Чумаковъ—по математикѣ и физикѣ, Ульрихсъ—по всеобщей и русской исторіи, географіи и нѣмецкому языку, Снигиревъ—по русскому, латинскому и французскому языкамъ. Но самое дѣятельное участіе въ экзаменѣ принималъ самъ ректоръ Антонскій, который подзывалъ къ себѣ всѣхъ для испытанія въ Законѣ Божіемъ, а въ промежуткахъ, какъ замѣтитъ кого-либо изъ экзаменующихся свободнымъ, заставлялъ переводить на русскій языкъ изъ Корнелія Непота и изъ христоматій французскаго и нѣмецкаго языковъ. По всѣмъ этимъ предметамъ мнѣ случайно пришлось экзаменоваться у него. Онъ чрезвычайно былъ доволенъ моими отвѣтами изъ Закона Божія, похвалилъ меня, и затѣмъ былъ очень снисходителенъ къ моимъ весьма небольшимъ свѣдѣніямъ по иностраннымъ языкамъ. Благодаря своей хорошей памяти, я получилъ одобреніе и отъ профессора Ульрихса; кажется отвѣчалъ удовлетворительно изъ русскаго языка по грамматическимъ и риторическимъ правиламъ, присоединивъ вытверженные избранные стихи русскихъ поэтовъ; но мнѣ было прискорбно что, считая себя знатокомъ по математикѣ, я сбился и кажется не очень удовлетворительно разрѣшилъ задачи профессора Чумакова, по совершенно новой для меня постановкѣ вопросовъ. Окончивъ свои такъ-называемыя сочиненія на русскомъ и латинскомъ языкахъ, послѣднее съ помощью близь сидѣвшихъ меня товарищей изъ семинаристовъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, по заученнымъ въ Нижнемъ фразамъ, положительнымъ и отрицательнымъ, мы передавали ихъ дежурному субъ-инспектору, который не обращалъ вниманія на взаимныя наши шушуканья, съ подачей другъ другу совѣтовъ при сочиненіяхъ. Около десяти часовъ намъ объявили чрезъ субъ-инспектора что окончившіе экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ могутъ отправиться по домамъ, и о пріемѣ ихъ въ университетъ они чрезъ два дня могутъ узнать въ канцеляріи правленія. Одно забыли гг. профессора: каково было возвращаться ночью въ августѣ по квартирамъ новичкамъ въ Москвѣ, гдѣ освѣщеніе улицъ конопляннымъ масломъ, съ тремя едва горящими рожками въ фонаряхъ, начиналось

* Экзамены поступающимъ въ студенты продолжались нѣсколько дней, съ перемѣнными экзаминаторами по назначенію ректора.

ло городовому положенію не прежде 1го сентября. Мнѣ дорога была знакома и притомъ къ Украинскому подворью шла по Красной Площади и Ильинской улицѣ, по которой ходили сторожа и слышенъ былъ лай бѣгающихъ по цѣпямъ около лавокъ собакъ. Два дня прошли въ томительномъ ожиданіи, и на третій, я не доходя еще до правленія встрѣтилъ своихъ товарищей по экзамену, которые мнѣ и передали радостную вѣсть что я зачисленъ съ ними въ студенты на ординарныя лекціи. Здѣсь я долженъ разъяснить что̀ значило тогда быть принятымъ на ординарныя лекціи. Всѣмъ хорошо̀ извѣстно что въ двадцатыхъ годахъ и наши казенныя гимназіи, и частные пансіоны, и домашнее воспитаніе далеко не соотвѣтствовали приготовленію къ слушанію университетскихъ лекцій, несмотря на самые снисходительные пріемные экзамены. Притомъ въ гимназіяхъ и соотвѣтствовавшихъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, куда поступали ученики 9 и 10 лѣтъ, курсъ ученія оканчивался въ четыре года; слѣдовательно въ университетскіе студенты принимались почти отроки 14 и 15 лѣтъ, по гимназическимъ аттестатамъ, согласно уставу университета 1804, въ которомъ не было опредѣлено въ какіе года могли поступать въ студенты. При этой обстановкѣ приготовительныхъ къ университету учебныхъ заведеній, молодые юноши не выдержавшіе университетскаго экзамена должны были возвращаться домой, какъ говорится, провалившись. Сколько-нибудь достаточные родители могли ихъ ободрить и дать имъ средства къ отстраненію недостатковъ ихъ въ научномъ образованіи, но каково было являться опять въ гимназіи тѣмъ которые вышли изъ нихъ съ аттестатами. Вѣроятно многіе изъ послѣднихъ не рѣшались туда показаться и поступали на службу. Для отстраненія такого промежутка между университетомъ и средними учебными заведеніями, лишавшаго многихъ возможности кончить университетскій курсъ, учреждено было при университетѣ приготовительное отдѣленіе. Цѣль и назначеніе этого отдѣленія заключалась въ томъ чтобы слишкомъ еще молодые люди, не выдержавшіе экзамена, не возвращались по домамъ, часто въ дальнія мѣста, а обучались еще гимназическимъ предметамъ съ добавленіемъ и университетскаго перваго курса. Они назывались также студентами, но должны были пробыть въ университетѣ лишній годъ, т.-е. поступающіе въ медицинскій факультетъ не четыре, а пять лѣтъ,

а въ прочіе факультеты, вмѣсто трехъ четыре года. Для преподаванія наукъ въ приготовительномъ отдѣленіи назначались преимущественно кандидаты и магистры Педагогическаго Института при университетѣ, съ участіемъ адъюнктовъ и профессоровъ, по утверждаемымъ совѣтомъ университета расписаніямъ лекцій. Въ приготовительномъ отдѣленіи студенты подвергались экзаменамъ, и по засвидѣтельствованіи преподавателей переводились на слѣдующій годъ безъ новаго испытанія на ординарныя лекціи избраннаго ими факультета. Сколько могу вспомнить изъ отзывовъ студентовъ, рѣдкіе изъ нихъ не воспользовались столь снисходительною и столь полезною для нихъ льготой для продолженія наукъ въ университетѣ.

Каждый студентъ предъ началомъ учебнаго года получалъ на латинскомъ языкѣ матрикулу или какъ мы называли, табель, въ одинъ листъ, гдѣ на первой страницѣ означались факультетъ, имя и фамилія студента, науки и фамиліи профессоровъ которыхъ долженъ слушать студентъ, а на другой страницѣ налечатаны были студенческія правила. У меня не сохранилось матрикулы, и я не могъ найти ихъ у другихъ товарищей; но сколько помню, въ девяти или десяти статьяхъ правилъ предписывалось студентамъ исправно посѣщать лекціи, соблюдать на нихъ порядокъ и тишину, вести себя благопристойно и внѣ университета, въ своихъ нуждахъ обращаться къ инспектору и ректору; вообще это было краткое нравственное наставленіе начальства университета его воспитанникамъ. Каждый изъ студентовъ, получивъ матрикулу отъ протоколиста, долженъ былъ лично подать ее для подписи въ присутственной камерѣ правленія университета ректору, который нерѣдко обращалъ вниманіе на табели поступающихъ въ приготовительное отдѣленіе и на переходящихъ изъ него на ординарныя лекціи, и по своимъ соображеніямъ дѣлалъ собственною рукой нѣкоторыя измѣненія, а также отечески наставлялъ тѣхъ студентовъ которые были на его судѣ за проступки въ прошломъ году. Никто изъ остающихся современниковъ безъ сомнѣнія не откажетъ раздѣлить нашего мнѣнія что ректоръ Антонскій въ свое время былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ и въ университетѣ, и въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, гдѣ онъ жилъ какъ директоръ и воспиталъ цѣлое поколѣніе дѣтей высшихъ

дворянскихъ фамилій, которыя занимали въ послѣдствіи важныя государственныя должности и были извѣстны своими литературными произведеніями. *

Къ инспектору Сандунову я явился послѣ экзамена съ табелью. На этотъ разъ онъ принялъ меня очень любезно, разспросилъ о моихъ родителяхъ, ихъ семействѣ, родственникахъ, о нашемъ имущественномъ состояніи. Получивъ удовлетворительные отвѣты, объявилъ мнѣ что онъ исходатайствуетъ мнѣ свободную благотворительную стипендію и помѣститъ меня въ казенныхъ нумерахъ. Получивъ вскорѣ стипендію Соколовскаго, я перешелъ въ одинъ изъ довольно большихъ студентскихъ нумеровъ, по указанію достоламятнаго, какъ я послѣ узналъ, урядника Ѳедулова. Здѣсь находилось двѣнадцать кроватей, съ принадлежностями камерной мебели. Съ этою обстановкой размѣщались во всемъ четвертомъ этажѣ казенные студенты, стипендіаты благотворителей и пансіонеры разныхъ вѣдомствъ, какъ-то: воспитанники Воспитательнаго Дома, Приказа Общественнаго Призрѣнія, Войска Донскаго и нѣсколько болѣе бѣдныхъ своекоштныхъ студентовъ, съ платою только за столъ по 10 рублей въ мѣсяцъ, ** а въ остальныхъ нумерахъ кандидаты, оставленные при университетѣ. Почти всѣ воспитанники Медицинскаго Института жили до 1826 года въ нумерахъ верхняго этажа Мосоловскаго корпуса, на Никитской улицѣ, а въ 1826 году подъ общій надзоръ переведены въ главный корпусъ. На мѣсто ихъ помѣщенъ Педагогическій Институтъ, съ квартирой директора и другихъ лицъ. Говоря о размѣщеніи студентовъ, считаю не лишнимъ сказать и о размѣщеніи аудиторій и учебныхъ пособій, въ зданіяхъ называемыхъ нынѣ Стараго Университета. *** О помѣщеніи присутствія правленія Университета, въ которомъ были и засѣданія совѣта и училищнаго

---

* Объ ученыхъ и педагогическихъ трудахъ Антонскаго подробно изложено въ Біографическомъ Словарѣ Профессоровъ, 1855 года. Тамъ приложенъ и списокъ отличныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона, имена коихъ сохранились на золотой доскѣ въ Пансіонѣ.

** Никакихъ денежныхъ пособій студентамъ университетъ не выдавалъ.

*** Новый домъ отстроенъ въ 1835 году.

комитета, было сказано. * Главныя большія аудиторіи были во второмъ этажѣ: 1) гдѣ нынѣ библіотечная круглая зала; 2) въ нынѣшней читальной залѣ библіотеки; 3) гдѣ теперь помѣщается Общество Испытателей Природы; 4) въ круглой залѣ анатомическаго театра, и 5) въ Больничномъ корпусѣ, гдѣ нынѣ кабинетъ сравнительной анатоміи. Малыя аудиторіи размѣщались въ нижнихъ боковыхъ этажахъ, гдѣ нынѣ канцелярія совѣта и правленія. Комнаты проректора по Никитской улицѣ, а также въ Аптечномъ корпусѣ съ фармацевтическою лабораторіей. Въ большихъ аудиторіяхъ мѣста для студентовъ устроены были амфитеатромъ, а въ малыхъ стояли скамейки съ локатыми при нихъ столами. Библіотека помѣщалась въ нынѣшнихъ комнатахъ безъ читальной и круглой залы. Шкапы съ книгами находились только кругомъ стѣнъ, а другая сторона отъ залы до аудиторіи занималась зоологическимъ и минералогическимъ кабинетами. Эти амфилады огромныхъ въ два свѣта комнатъ, съ высокими арками, съ оригинальною актовою залой, были великолѣпны и производили большой эффектъ, особенно во время публичныхъ собраній. ** Въ боковомъ правомъ отъ главнаго дома корпусѣ, по Никитской улицѣ, помѣщались университетскія клиники и студенческая больница. *** За тѣмъ во всѣхъ свободныхъ помѣщеніяхъ находились квартиры профессоровъ и чиновниковъ. Профессоры и адъюнкты не имѣющіе квартиръ въ университетѣ получали квартирныя деньги. **** Послѣ этого общаго обзора университетскихъ учрежденій мы перейдемъ сначала къ описанію быта казенныхъ студентовъ и лансіонеровъ, жившихъ въ самомъ университетѣ. При размѣщеніи по нумерамъ сколько возможно соблюдалось чтобы въ каждомъ изъ нумеровъ жили студенты одного факультета. Студенты пользовались столомъ, освѣ-

---

* Университетъ до 1834 года управлялъ всѣми казенными и частными учебными заведеніями своего округа.

** Въ сороковыхъ годахъ въ залахъ минералогическаго и зоологическаго кабинетовъ устроены были спальни студентовъ.

*** Зданія клиники и анатомическаго театра отстроены въ 1821, а Аптечный корпусъ съ лабораторіей въ 1823.

**** Профессоры получали жалованья по двѣ тысячи; адъюнкты по 800 руб. и лекторы по 600 руб. въ годъ. Квартирныхъ назначалось профессорамъ по 500 руб., а адъюнктамъ по 200 руб. въ годъ.

щеніемъ, прислугой, а на платье, обувь и учебныя книги получали особыя деньги по утвержденному положенію. Студенты, какъ казенные, такъ и своекоштные, ходили въ партикулярныхъ платьяхъ, разумѣется почти всѣ въ сюртукахъ и рѣдкіе во фракахъ. Съ ранняго утра начиналось движеніе въ нумерахъ между студентами, отправляющимися въ трактиры пить чай, обыкновенно по четыре человѣка, съ запасомъ табаку. Четверо платили по пятачку, нынѣшній двугривенный (80 коп. ассигнаціями) за шесть паръ чаю, то-есть за чайникъ съ чайнымъ отваромъ, двѣнадцать кусочковъ сахару и кувшинчикъ молока. Это чаепитіе продолжалось очень долго, съ прибавленіемъ даровой горячей воды, съ безпрестаннымъ куреніемъ трубокъ и чтеніемъ газетъ. По возвращеніи въ нумера собирались на лекціи.

Вообще лекціи начинались съ восьми часовъ и оканчивались въ двѣнадцать, а послѣ обѣда продолжались отъ четырехъ до шести. Въ двѣнадцать съ половиною часовъ былъ обѣдъ и въ семь ужинъ. * Тотъ и другой состоялъ изъ щей или сула, говядины съ картофелемъ или огурцами и гречневой или пшенной каши; по праздникамъ подавались пироги и говядина замѣнялась телятиной. Чернаго хлѣба можно было требовать сколько угодно, такъ что студенты въ своихъ карманахъ приносили по нѣсколько ломтей своимъ корридорнымъ солдатамъ. Но что сказать о кушаньѣ? Безъ сомнѣнія болѣе бѣдные, которые можетъ-быть дома довольствовались часто и пустыми щами съ черствымъ хлѣбомъ, были довольны студенческимъ столомъ; но кто привыкъ хотя не къ роскошной, но порядочной, свѣжей, хорошо изготовленной пищѣ, тотъ не скоро привыкалъ къ новой университетской. Изъ этихъ послѣднихъ студентовъ, болѣе бойкіе одинъ разъ при худшей приготовкѣ кушанья, взявъ миску и блюда, отправились съ жалобой къ тогдашнему инспектору Сандунову, который задалъ имъ такую начальническую острастку, пригрозивъ исключеніемъ, что съ тѣхъ поръ эта исторія не повторялась. Сандуновъ иногда приходилъ въ столовую, пробовалъ кушанье и всегда его хвалилъ, по крайней мѣрѣ при студентахъ, говоря что онъ самъ въ ихъ года имѣлъ столъ гораздо хуже; а на сторонѣ онъ можетъ-

* На столъ, кухонную и столовою посуду и другія принадлежности отпускалось по 10 руб. ассигн. въ мѣсяцъ на каждаго студента.

быть и дѣлалъ наѣздникъ тѣмъ кто завѣдывалъ столомъ. Такъ какъ никакого утренняго чая ни завтрака для студентовъ не было, кромѣ чернаго хлѣба съ квасомъ для желающихъ, а ужинъ оканчивался очень рано, то обыкновенно студенты запасались бѣлымъ хлѣбомъ каждое утро и молокомъ къ вечеру. Хлѣбникъ Фирсъ Ивановичъ не можетъ быть забытъ казенными студентами двадцатыхъ и позднѣйшихъ годовъ. Этотъ маститый старикъ съ ранняго утра взбирался на четвертый этажъ съ двумя огромными корзинами, наполненными хлѣбами и другими печеньями. Онъ дѣлалъ неограниченный кредитъ студентамъ безъ всякихъ записныхъ книжекъ, отмѣчая только черточками меломъ на стѣнѣ у кровати каждаго студента число забранныхъ хлѣбовъ. Студенты расплачивались послѣ полученія своего жалованья, или по присылкѣ денегъ со стороны отъ родныхъ, но многіе оставались еще въ долгу на неопредѣленное время и нерѣдко до выхода изъ университета или даже высылали свой долгъ изъ мѣстъ службы. Еще другой и весьма важный кредитъ дѣлалъ студентамъ табачный торговецъ на Никитской улицѣ Филитисъ, который отпускалъ въ долгъ студентамъ табакъ Дюбекъ по дешевой цѣнѣ. Въ мое время, я не помню чтобъ эти два кредита подрывались неплатежемъ должныхъ денегъ, хотя и уплачивались несвоевременно. Разумѣется что болѣе самостоятельные студенты пользовались кредитомъ и въ трактирѣ Дементьева, въ Охотномъ Ряду, который преимущественно посѣщали студенты. Ежедневно около 12 часовъ ночи обходилъ всѣ нумера съ фонаремъ въ рукахъ вышеупомянутый мною урядникъ Карпъ Ѳедулычъ, для наблюденія всѣ ли студенты дома и не происходитъ ли какихъ-либо безпорядковъ. Если онъ замѣчалъ отсутствіе студента или находилъ кого-либо въ неприличномъ видѣ, то говорилъ: будьте покойны, будетъ доложено его превосходительству (инспектору Сандунову); въ подобныхъ случаяхъ студенты упрашивали его не дѣлать этого, разъясняя разныя причины нелорядка или отсутствія и напоминали ему что и онъ былъ молодъ и вѣрно также проказилъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно онъ не дѣлалъ доноса, но иногда и поупрямится и на слѣдующее утро приходитъ къ проснувшемуся съ приказаніемъ явиться къ инспектору. Странное дѣло, въ то время, въ 1824 и 1825 годахъ, сколько я помню, не было въ университетѣ и карце-

ра для заключенія виновныхъ студентовъ, но ловѣстка о явкѣ къ инспектору производила на отвѣтчика самое тяжелое впечатлѣніе. Онъ долго собирался и съ замѣтнымъ волненіемъ шелъ на словесную расправу. Но этою расправой Сандуновъ умѣлъ внушить студентамъ не только уваженіе, но и боязнь къ его выговорамъ и угрозамъ. Онъ обладалъ особеннымъ здоровымъ тактомъ дѣйствовать на студентовъ, не прибѣгая ни къ какимъ крутымъ мѣрамъ. Въ этихъ случаяхъ разговоръ его хотя былъ рѣзокъ и наполненъ отчасти и грубыми словами, но смыслъ ихъ и потомъ окончательная бесѣда приводили студента къ убѣжденію что все сказанное ему — правда. Таково было мнѣніе о Сандуновѣ казенныхъ воспитанниковъ и они дѣйствительно его любили и боялись. Здѣсь я долженъ упомянуть вообще о томъ впечатлѣніи которое произвело на меня студенческое общежитіе, послѣ тихой семейной жизни въ домѣ родителей. Само собою разумѣется что живущіе въ нумерахъ, по разнообразію возрастовъ, состояній, мѣсту воспитанія и образованія, представляли и разнообразіе характеровъ, мыслей, словъ и дѣйствій. Юношескій острый, скорый и шумный разговоръ о разныхъ предметахъ оглушалъ меня и я не могъ на первыхъ порахъ дать себѣ отчета, о чемъ шла бесѣда и кто изъ спорящихъ правъ. Тутъ услышалъ я сужденія о профессорскихъ лекціяхъ, о прочтенныхъ сочиненіяхъ, газетныхъ новостяхъ, затѣмъ о происшествіяхъ въ городѣ, на гуляньяхъ, въ трактирахъ, о театрѣ, актерахъ, разныхъ скандальныхъ случаяхъ, въ которыхъ участвовали или не участвовали студенты, и о московскихъ бульварныхъ красавицахъ. Не хочу скрыть что я слышалъ также и новые поразившіе меня религіозные софизмы, подрывающія простоту вѣры, о которыхъ мнѣ никогда и въ голову не приходило. Послѣ уже я узналъ что эти понятія были не новыми и въ университетѣ и въ обществѣ, но принадлежали отдѣльнымъ личностямъ. Помню что большинство студентовъ не участвовало въ этихъ религіозныхъ спорахъ, а увлекалось преимущественно сценическими произведеніями. Студенты съ одушевленіемъ выучивали сочиненія Пушкина, а стихи *Кавказскаго Пленника* часто слышались и въ нумерахъ и въ корридорахъ. Возвратившіеся изъ театра долго еще декламировали сцены, особенно изъ *Разбойниковъ* Шиллера или изъ *Отелло*. Въ этихъ піесахъ игралъ

знаменитый въ то время актеръ Мочаловъ, о которомъ память сохранилась до настоящаго времени и котораго сравнивали съ англійскимъ Кином. Дѣйствительно вся Москва была очарована Мочаловымъ, который своею самобытною, естественною, страстною игрой потрясалъ слушателей. Достойною его сотрудницей въ драмматическихъ представленіяхъ была Львова-Синецкая. * Каждый изъ нихъ кажется воодушевляли одинъ другаго. Большой Театръ всегда былъ набитъ зрителями, когда шла драма съ участіемъ этихъ артистовъ. Студенты рано забирали мѣста въ первомъ ряду, въ райкѣ, и разумѣется неистово рукоплескали и вызывали. Говоря о театрѣ нельзя не вспомянуть о превосходныхъ того времени комическихъ и водевильныхъ актерахъ Сабуровѣ и его женѣ, въ оперѣ о Булаховѣ, а въ балетѣ о чудесномъ Ришарѣ и граціозной Гюллень-Соръ. Послѣ театра студенты любили, и какъ не любить въ ихъ года, общественныя вечернія гулянья въ городѣ, которыя были съ оркестромъ музыки по понедѣльникамъ на Прѣсненскихъ прудахъ, по вторникамъ и четвергамъ на Тверскомъ бульварѣ, а по средамъ и пятницамъ во вновь устроенномъ Александровскомъ у Кремля саду. Въ то время дачной жизни почти не знали. ** Помѣщики уѣзжали въ свои деревни довольно поздно, а потому эти гулянья наполнены были лучшею московскою публикой; простонародье и неприлично-одѣтые на нихъ не допускались полиціей. Какъ же молодымъ людямъ, съ претензіей на образованность и на изящество вкуса, не полюбоваться въ вечерней прохладѣ, среди прекрасной зелени, на избранное общество и особенно на извѣстныхъ нарядныхъ красавицъ, которыхъ было много. Надо правду сказать, не во гнѣвъ большинству нынѣшнихъ какихъ-то щедушныхъ и большею частію весьма некрасивыхъ барышень, что тогда по выраженію поэта дѣвы розами цвѣли. Здоровье безъ толстоты сложенія, безыскусственный цвѣтъ лица, свои волосы

---

* Она умерла въ декабрѣ 1875 году; но на ней не сбылись слова поэта: „заслуги въ гробѣ созрѣваютъ“. Московскіе артисты, при ней вступившіе на службу, не подумали быть на ея погребеніи, и даже не отозвались объ ней никакимъ словомъ въ печати.

* Въ Сокольницкахъ была одна Старая Слободка, въ которую увозили умирать чахоточныхъ.

и зубы, * свѣтлые, добродушные, безъ всякого кокетства глаза, свободное естественное движеніе, въ платьяхъ съ открытыми прекрасными ножками, безъ запачканныхъ нынѣшнихъ хвостовъ, и дѣвственная стыдливость, составляли отличительныя черты дѣвицы высшаго сословія на общественныхъ гуляньяхъ. На нихъ можно было заглядѣться. Являлись ли онѣ иными на великосвѣтскихъ домашнихъ балахъ, я не могу сказать, не бывъ въ этихъ собраніяхъ. А что я сказалъ правду, сошлюсь на московскихъ стариковъ. Пусть они вспомнятъ денные балы двадцатыхъ годовъ въ субботы на Масляницѣ въ Дворянскомъ Собраніи и сравнятъ ихъ съ тѣми же балами въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Какой контрастъ! Мнѣ удалось быть на хорахъ въ Собраніи въ 1825 году. Что за прелесть, и сколько тутъ было красавицъ безъ прикрасы, при свѣтѣ солнца, обливавшаго своими лучами залу; сколько добродушія, веселья! Въ 1868 или 1869 году я былъ на такомъ же балѣ, какъ пожилой московскій гражданинъ, и сѣлъ на диванъ при входѣ въ большую залу чтобы лучше видѣть пріѣзжающихъ. Мы съ однимъ знакомымъ не могли удерживаться отъ смѣха, глядя на входящихъ одна за другой долгохвостыхъ дамъ, одна другой хуже, и едва ли три-четыре лица можно было назвать хорошенькими. Балъ былъ какъ будто для формы, по обычаю, танцовали мало, вяло и посѣтители скоро пошли обѣдать или возвратились домой. Вѣроятно дамы скажутъ что старичишка заврался, что чувства его притупились и для него живы только воспоминанія. Да будетъ такъ. Обращаюсь къ своей студенческой жизни.

Говоря о развлеченіяхъ молодости, нужно сказать что же дѣлалось для науки. Въ этомъ отношеніи можно раздѣлить студентовъ того времени на два разряда. Первый, и большею частію не въ первыхъ порахъ юности, по призванію и склонности къ труду, занимался усердно. Бывало идутъ партіи студентовъ утромъ пить чай въ трактиръ, а эти труженики стоятъ за своими конторками съ тетрадями, книгами и перомъ въ рукѣ, имѣя подъ рукою свой стаканъ чаю. Не пропуская никогда лекцій, они рѣдко выходили на общественныя гулянья, довольствуясь университетскимъ

* Въ Москвѣ парикмахеровъ было много, а дантистъ, вставляющій искусственные зубы, былъ кажется одинъ старикъ Жоли.

садомъ, гдѣ они бесѣдовали, читали, курили. Второй разрядъ съ малыми исключеніями исправно посѣщалъ лекціи, и хотя не постоянно, но велъ объ нихъ по вечерамъ записки, безъ всякихъ самостоятельныхъ трудовъ. Совсѣмъ не учиться и ничего не дѣлать было невозможно для казенныхъ студентовъ и пансіонеровъ, потому что въ случаѣ безуспѣшности, по окончаніи университетскаго курса, имъ угрожало опредѣленіе учителями въ уѣздныя и подобныя имъ училища, или въ какія-нибудь канцелярскія низшія должности. Со стороны поведенія были случаи что и живущіе въ университетѣ студенты нарушали общественный порядокъ, но какъ не проявлялось никакихъ политическихъ мечтаній и противодѣйствій властямъ, то полиція была къ нимъ снисходительна, и виновныхъ по приводѣ въ частный домъ большею частію отпускали и рѣдко препровождали на другой день къ ректору. Но побыть и нѣсколько часовъ или провести ночь въ частномъ домѣ, въ арестантской комнатѣ, было уже тяжкимъ наказаніемъ, особенно если при буйствѣ втолкнутъ въ такъ-называемую кутузку, о которой побывавшіе тамъ безъ ужаса и вспомнить не могли. Вообще, могу утвердительно сказать что студенты моего времени жили мирно съ московскими жителями, не безпокоили общество какими-нибудь уличными демонстраціями. Ихъ любили и снисходительно смотрѣли на юношескія шалости.

Обратимся теперь къ университетскому преподаванію и къ тѣмъ учебнымъ пособіямъ которыми могли пользоваться студенты. Послѣ школьнаго гимназическаго ученія, гдѣ на первомъ планѣ стояло одно заучиваніе, или какъ называли зазубриваніе заданныхъ уроковъ по книгамъ и единственный въ нихъ отчетъ предъ учителями, живое слово съ каѳедры профессора и академическая свобода въ занятіяхъ производили самое пріятное впечатлѣніе на студента, какъ сужу объ этомъ по себѣ. Съ какимъ удовольствіемъ я шелъ на лекціи, особенно въ первое время студенчества и тѣмъ болѣе на тѣ изъ нихъ которыя излагали профессоры обладавшіе не только знаніемъ, но и даромъ слова. Я буду говорить о профессорахъ, которыхъ слушалъ, по собственному свидѣтельству, а о другихъ по общимъ слухамъ и мнѣніямъ ихъ слушателей. Всякій согласится что въ университетахъ нельзя скрыться высоко даровитымъ или слабымъ преподавателямъ, къ какому

бы они факультету ни принадлежали. Чуткій смыслъ студентовъ скоро узнаетъ довольно вѣрно тѣхъ и другихъ. Я поступилъ студентомъ нравственно-политическаго отдѣленія. На немъ преподавались: богословіе нравственное и догматическое, политическая экономія, римское право и право знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, политическое и народное право, исторія русскаго законодательства, гражданское и уголовное право и практическое судопроизводство дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Къ этимъ спеціальнымъ предметамъ отдѣленія присоединены были всеобщая и россійская исторія. На первомъ курсѣ студенты посѣщали общія ординарныя лекціи, а послѣдніе два года спеціальные курсы своего факультета. По выданнымъ табелямъ на первомъ курсѣ мы слушали по нравственно-политическому отдѣленію: богословіе и церковную исторію, риторику съ критическимъ разборомъ отечественныхъ писателей, исторію россійскаго законодательства, всеобщую и россійскую исторію, сельское хозяйство, физику, ботанику, французскую и нѣмецкую литературу. Богословіе преподавалъ архимандритъ Богоявленскаго монастыря Иннокентій, человѣкъ благодушнѣйшій, кроткій, обходительный, безъ сомнѣнія обладавшій знаніями своего предмета, съ искреннимъ желаніемъ быть полезнымъ, но не имѣвшій дара слова. Иногда онъ начнетъ проводить прекрасную мысль, основанную не только на догмѣ, но и на философскихъ воззрѣніяхъ, и никакъ не кончитъ ея ясно, слутается въ умозаключеніяхъ и самъ улыбнется. Впрочемъ онъ все-таки старался и отчасти успѣвалъ сдѣлать свои лекціи болѣе назидательными и новыми, противъ изложенія гимназическихъ уроковъ Закона Божія. Лекціи его были первыя, то-есть съ восьми до девяти часовъ. Студенты опаздывали и входили въ аудиторію по нѣскольку человѣкъ, даже и въ половинѣ девятаго, но отецъ архимандритъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ свое чтеніе даже и тогда когда слышенъ былъ еще разговоръ пришедшихъ студентовъ. Правду сказать, на его лекціяхъ не было того благочинія которое должно бы быть при слушаніи богословскихъ лекцій. Впрочемъ несмотря на то что тогда не принимались въ разчетъ баллы по богословію для полученія ученыхъ степеней и званій, аудиторія Иннокентія была всегда наполнена студентами. Риторику и

вообще русскую словесность преподавалъ профессоръ Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ. Кто не помнитъ этого достойнѣйшаго преподавателя своей науки въ Московскомъ Университетѣ. На его лекціяхъ, съ пяти до шести часовъ по полудни, самая большая аудиторія была переполнена студентами всѣхъ факультетовъ; на нихъ мы видѣли не рѣдко почетныхъ посторонннихъ лицъ и неоднократно извѣстнаго баснописца Дмитріева. Мерзляковъ обладалъ гармоническимъ, плавнымъ, чистымъ голосомъ, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, и знаменитъ былъ не только въ университетѣ, но и въ тогдашней литературѣ, своими критическими разборами отечественныхъ писателей. Здѣсь онъ въ полномъ смыслѣ импровизировалъ и часто приводилъ въ восторгъ слушателей вдохновенными и свѣтлыми мыслями. Онъ вѣрно указывалъ все прекрасное и безпощадно произносилъ приговоръ надъ бездарнымъ стихотворствомъ. Онъ самъ былъ поэтъ и по призванію и на дѣлѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ его собственныя многочисленныя сочиненія, переводы и переложенія древнихъ классиковъ. Въ своихъ лекціяхъ излагая риторическія правила и теорію поэзіи, онъ всегда разбиралъ образцовыя произведенія русской литературы, начиная съ Ломоносова. Помню теперь какъ въ туманѣ превосходные и въ высшей степени поучительные разборы столь извѣстныхъ стихотвореній Державина—оды *Богъ*, Пушкина—*Кавказскій Плѣнникъ*, Козлова—*Чернецъ*. Нерѣдко онъ читалъ и разбиралъ лодонныя ему студентами стихотворенія, разумѣется болѣе снисходительно смотря на ихъ недостатки и поощряя обнаруживавшійся талантъ. Однимъ словомъ, Мерзляковъ пользовался рѣдкою популярностью въ университетѣ какъ по своимъ лекціямъ, такъ и по своему гуманному, радушному обращенію со студентами. Объ адъюнктѣ Смирновѣ, читавшемъ *исторію законодательства* и *составъ государственнаго управленія*, можно сказать что онъ былъ ученымъ по своему времени, издалъ необходимыя руководства по своему предмету, исправно посѣщалъ лекціи, но по своему добродушію допускалъ на нихъ безпорядки со стороны студентовъ. Профессоръ всеобщей исторіи Ю. П. Ульрихсъ былъ аккуратнѣйшій Нѣмецъ и никогда не пропускалъ лекцій, являясь непремѣнно въ назначенное время, въ восемь часовъ утра. И у него студенты собирались позднѣе. Онъ прекращалъ чтеніе когда входили новые слушатели и усаживались на мѣстахъ; но

чрезъ нѣсколько времени послѣ открытія курсовъ приказывалъ служителю при аудиторіи чтобы дверь была заперта, когда онъ начнетъ свою лекцію, и такимъ образомъ запоздавшіе студенты должны были оставаться до слѣдующей лекціи въ переднихъ комнатахъ. Ульрихсъ говорилъ довольно чисто по-русски и читалъ по тетрадямъ руководствуясь Шрекомъ. Сухое изложеніе царствованій монарховъ или другихъ властителей въ каждомъ государствѣ, съ соблюденіемъ хронологическаго порядка, безъ всякихъ критическихъ соображеній о причинахъ и слѣдствіяхъ событій и безъ всякой связи съ общею исторіей современныхъ народовъ, не могло интересовать студентовъ, достаточно знакомыхъ съ подобными фактами по гимназическому курсу. Россійскую исторію преподавалъ столь извѣстный въ нашей исторической литературѣ профессоръ М. Т. Каченовскій. Онъ являлся на лекціи безъ всякихъ записокъ, съ одною какою-либо книгой, вѣроятно для справокъ, и хотя не обладалъ краснорѣчіемъ, но говорилъ логично, дѣльно, занимательно. Будучи ярымъ противникомъ мнѣній о скандинавскомъ происхожденіи Руси, онъ почти все первое полугодіе занимался критическимъ разборомъ писателей по этому предмету, и склонялся въ своихъ толкованіяхъ и догадкахъ всегда на сторону южнаго происхожденія Руси. При этомъ критически разбиралъ наши лѣтописи, а въ дальнѣйшемъ изложеніи русской исторіи передавалъ интересныя и совершенно новыя для студентовъ свѣдѣнія, съ своими взглядами на государственныя событія. Вообще лекціи его выслушивались съ большою пользой и удовольствіемъ. Физику, а во второмъ полугодіи и ботанику преподавалъ намъ профессоръ И. А. Двигубскій, сопровождая ихъ опытами и анализированіемъ растеній, которыя въ изобиліи приносили на лекціи изъ Ботаническаго Сада. Двигубскій, въ послѣдствіи ректоръ университета, издавшій многочисленныя сочиненія по естественнымъ наукамъ, излагалъ свои лекціи систематически, отчетливо и хорошимъ языкомъ, и потому студенты усердно посѣщали его лекціи. Сельское хозяйство читалъ профессоръ М. Г. Павловъ. Онъ предпосылалъ своей наукѣ изложеніе гипотезъ объ образованіи міровъ. Эти мысли были совершенно новы для студентовъ и конечно ихъ очень интересовали. Затѣмъ онъ переходилъ къ нашей планетѣ, сообщалъ геологическія объясненія, и

потомъ уже обращался къ изученію почвы въ ея разнообразіи по разнымъ мѣстностямъ, говорилъ о лучшихъ способахъ для удобренія почвы и производительности хлѣбныхъ растеній, осуждая нашу старую трехпольную систему и указывая выгоды отъ системы плодопеременной. Павловъ, имѣя всесторонніе твердыя знанія, обладалъ увлекательнымъ даромъ слова, и лекціи его посѣщались студентами съ большою охотой. Ординарныя лекціи иностранныхъ литературъ были доступны студентамъ изучившимъ эти языки дома съ своими гувернерами и гувернантками, а не для гимназистовъ, которые съ большими ошибками могли дѣлать переводъ съ этихъ языковъ на русскій. Впрочемъ въ приготовительномъ отдѣленіи лекторы слѣдовали какъ могли гимназическому курсу; но они были слабы въ знаніи русскаго языка, а потому дѣло не могло идти съ успѣхомъ. На второмъ и третьемъ курсахъ мы слушали уже одни спеціальные предметы факультета, со включеніемъ однакожь на второмъ курсѣ россійской исторіи. Объ адъюнктѣ Смирновѣ я упоминалъ. О другомъ адъюнктѣ, преподававшемъ частное гражданское и уголовное право, М. Я. Маловѣ, признаюсь, ничего не могу сказать положительнаго. Онъ былъ какъ говорится рѣчистъ, но весьма остороженъ и робокъ въ какихъ-либо теоретическихъ сужденіяхъ и всегда съ патріотическимъ чувствомъ обращалъ вниманіе своихъ слушателей на правдивые и благодѣтельные отечественные законы, не осмѣливаясь никогда выставить что-нибудь въ нихъ недостаточнымъ для ихъ цѣли. Ученаго образованія по предметамъ его каѳедры въ немъ не было замѣтно. Каѳедру политической экономіи, по выходѣ въ отставку профессора Шлецера, занялъ профессоръ Н. А. Бекетовъ, преподававшій прежде исторію, статистику, географію, геральдику, генеологію и нумизматику. Шлецеръ издалъ руководство по политической экономіи, которому и слѣдовалъ новый профессоръ, цитуя и извѣстнаго экономиста Шторха. Едва ли онъ былъ приготовленъ къ доставшейся ему новой каѳедрѣ. Говорилъ онъ довольно складно, хотя голосъ его былъ весьма тихій и хриплый вслѣдствіе горловой болѣзни. Во всякомъ случаѣ занимательно изложилъ исторію своей науки, останавливался особенно на системѣ Адама Смита, творца политической экономіи. Политическое народное право преподавалъ профессоръ Василевскій. Онъ иногда и довольно удачно импровизовалъ и съ энтузіазмомъ проводилъ

какія-нибудь либеральныя идеи, которыя всегда нравятся молодежи. Впрочемъ принятыя правила народнаго права и дипломатики какъ обычныя, такъ и узаконенныя по трактатамъ и договорамъ онъ изложилъ довольно подробно, а политическое право, по крайней мѣрѣ по главнымъ его теоретическимъ задачамъ, читалъ почти буквально по Ахенвалю, въ чемъ я могъ убѣдиться въ послѣдствіи, прочитавъ случайно переводъ этого автора. Исторію римскаго права и римское гражданское право преподавалъ профессоръ Л. А. Цвѣтаевъ по изданнымъ имъ руководствамъ, а въ концѣ года въ нѣсколькихъ лекціяхъ объяснялъ законы древнихъ народовъ, по руководству Пасторе, а изъ новыхъ германское право и въ особенности французскій кодексъ Наполеона. Почтенный профессоръ держалъ себя всегда съ достоинствомъ, студенты его особенно уважали, но въ то время и по старости его лѣтъ, и по слабости здоровья, лекціи его, при всемъ ученомъ и отчетливомъ ихъ изложеніи, были уже по самому способу чтенія вялы, сухи. Онъ часто останавливался какъ бы для отдыха и нюхалъ табакъ. Но общій голосъ отдавалъ ему справедливость въ современномъ и глубокомъ знаніи преподаваемыхъ предметовъ и въ правильномъ разрѣшеніи общихъ юридическихъ вопросовъ по теоріи науки. У него были студенты особенно занимавшіеся изученіемъ римскаго права, которыхъ онъ замѣчалъ и руководилъ. Каѳедру гражданскаго и уголовнаго судопроизводства занималъ бывшій оберъ-секретарь Правительствующаго Сената, воспитанникъ Московскаго Университета (по двумъ факультетамъ, юридическому и словесному, выпущенный съ золотою медалью въ 1787 году) Н. Н. Сандуновъ. Это была замѣчательнѣйшая личность въ числѣ профессоровъ университета. Онъ кромѣ общаго университетскаго образованія обладалъ въ высокой степени здравымъ смысломъ, рѣдкимъ знаніемъ законовъ, огромными практическими свѣдѣніями и необыкновенною ламятью. Рѣчь его была вполнѣ логична, каждое слово свое онъ какъ говорится отчеканивалъ. Онъ любилъ въ извѣстныхъ случаяхъ сказать красное словцо, съ юморомъ подшутить и привести какой-нибудь дѣловой казусъ. Лекціи его были двухчасовыя. Первый часъ назначался для прочтенія всѣхъ вновь вышедшихъ болѣе важныхъ узаконеній по судебной и административной части. Очередной студентъ по отмѣткѣ профессора читалъ эти узаконенія

въ срединѣ аудиторіи на люлитрѣ у профессорскаго стола. По прочтеніи каждаго указа, профессоръ объяснялъ студентамъ, какъ было прежде установлено въ данномъ случаѣ, и почему необходимо было въ настоящее время дополнить, измѣнить или издать совершенно новый законъ. Здѣсь онъ позволялъ себѣ высказывать и свое замѣчаніе, подтверждая свои мысли разными судебными и частными дѣлами. Помню, какъ онъ съ особенною энергіей заявлялъ сожалѣніе что государю императору угодно было утвердить по большинству голосовъ мнѣніе Государственнаго Совѣта о дозволеніи супругамъ обязываться между собою долговыми актами, между тѣмъ какъ меньшинство указывало вредныя послѣдствія этого закона и для семейной, и для общественной жизни. Второй часъ лекціи назначался для практическаго судопроизводства. Профессоръ получалъ изъ сенатскаго архива печатныя записки о дѣлахъ рѣшенныхъ въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената, слѣдовательно о дѣлахъ особенной важности, восходившихъ въ эту послѣднюю судебную инстанцію. Записки эти хранились у него. Изъ нихъ онъ первоначально излагалъ студентамъ подробно сущность гражданскаго и уголовнаго дѣла, всѣ добытые слѣдствіемъ факты и документы, которые вкратцѣ для памяти должно было записать, и профессоръ еще разъ ихъ повторялъ, указывая на болѣе важныя обстоятельства, но нисколько не подавая повода думать что онъ склоняется на ту или другую сторону. Студентамъ предоставлялся просторъ въ своихъ сужденіяхъ. Разумѣется, первый толчекъ дѣлу долженъ былъ дать студентъ или кандидатъ истецъ по гражданскимъ дѣламъ и секретарь-студентъ или кандидатъ, какъ докладчикъ по дѣламъ уголовнымъ, за которыми профессоръ особенно наблюдалъ, исправляя промахи и ошибки и правильно возстановляя сущность дѣла. Потомъ назначалось разбирательство дѣла съ первой инстанціи, то-есть уѣзднаго суда. Избирался судья и засѣдатели, которые подавали голоса по продолженію дѣла и при окончательномъ рѣшеніи. Такой же порядокъ соблюдался и по переносѣ дѣла въ Уголовную или Гражданскую Палату по существу дѣла и количеству иска, или по аппелляціи отвѣтчиковъ. Аппелляціонныя жалобы составляли только избранные профессоромъ трехгодичные студенты или кандидаты. Послѣ рѣшеній палатъ аппел-

ляція переходила въ Сенатъ, и тѣмъ оканчивалось аудиторское судоговореніе. Сенаторовъ-студентовъ уже не было. Послѣ прочтенія послѣдней аппелляціонной просьбы въ Сенатъ, профессоръ окончательно высказывалъ состоявшіяся опредѣленія Сената, не отступая и отъ своихъ собственныхъ взглядовъ на процессъ. Во всѣхъ разглагольствованіяхъ студентовъ профессоръ указывалъ недостатки, неточности, неправильности лоданныхъ мнѣній и жалобъ и терпѣть не могъ вычурныхъ краснорѣчивыхъ выраженій не идущихъ къ дѣлу. При этихъ чисто-практическихъ занятіяхъ студенты лользовались находящеюся при аудиторіи библіотекой, состоявшею изъ книгъ законовъ, начиная съ Уложенія. Но всѣмъ извѣстно какъ тогда и самымъ опытнымъ людямъ было трудно, до изданія въ 1832 году Свода Законовъ, пріискивать нужныя узаконенія, разбросанныя въ разныхъ книгахъ, безъ всякихъ указателей системы и хронологическаго порядка, такъ что самый опытный профессоръ иногда не могъ указать гдѣ студентъ-библіотекарь долженъ сыскать законъ который слѣдуетъ прочесть при производствѣ дѣла. Въ этихъ случаяхъ нерѣдко помогали частные своды законовъ изданные тогдашними учеными законовѣдами Гирюшкинымъ и Веніаминовымъ-Зерновымъ. Вообще я съ полною увѣренностью могу сказать что слушатели профессора Сандунова сохранили объ немъ благодарныя воспоминанія. Онъ ознакомилъ ихъ съ формами и обрядами судоустройства и судопроизводства, съ дѣловою лисьменностью и производившимися въ разныхъ инстанціяхъ интересными процессами, а эти свѣдѣнія очень помогли имъ приняться за дѣло при лоступленіи на службу, особенно въ судебныя вѣдомства. Сверхъ того профессоръ лобуждалъ студентовъ заниматься и вопросами въ области юрислруденціи, на заданныя имъ темы, о чемъ свидѣтельствуютъ лодававшіяся студентами лредъ окончаніемъ университетскаго курса сочиненія, изъ которыхъ избранныя въ особые вечерніе часы читались въ аудиторіи съ критическимъ разборомъ профессора. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ были хороши что дѣйствительно заслуживали общей похвалы и даже, по словамъ профессора, изученія для слушателей.

Передавая мои студенческія понятія о профессорахъ юридическаго факультета, скажу что мы хорошо знали что здѣсь главными дѣятелями и распорядителями были профессоры

Цвѣтаевъ и Сандуновъ. Всѣ прочіе какъ будто были имъ подчинены, за исключеніемъ развѣ независимыхъ профессоровъ всеобщей и россійской исторіи, принадлежавшихъ словесному факультету, но участвовавшихъ въ испытаніи юристовъ на степень кандидата и званіе дѣйствительнаго студента. Впрочемъ при общемъ обсужденіи результатовъ окончательныхъ экзаменовъ, рѣшающіе голоса были Цвѣтаева и Сандунова, а изъ нихъ послѣдній имѣлъ еще адъюнктовъ по своей каѳедрѣ, Маслова и Смирнова, съ равнымъ правомъ голоса при экзаменахъ какъ и профессоры.

Говоря о юридическомъ отдѣленіи и вообще объ университетѣ двадцатыхъ годовъ, не могу, какъ современникъ, умолчать и о профессорахъ другихъ факультетовъ, которые по голосу студентовъ наиболѣе выдавались по своимъ занятіямъ и дару преподаванія. Къ числу этихъ лицъ относились: въ словесномъ отдѣленіи, кромѣ Мерзлякова и Каченовскаго, профессоръ римской словесности Давыдовъ; въ физико-математическомъ по каѳедрамъ: зоологіи—Фишеръ, по химіи—Рейсъ, по математикѣ—Щепкинъ и Перевощиковъ; въ медицинскомъ—по анатоміи лейбъ-медикъ Лодеръ, превосходныя лекціи котораго слушали нетолько студенты, но и профессоры медицинскаго факультета, по терапіи и клиникѣ—Мудровъ, знаменитый въ Москвѣ практическій врачъ, по хирургіи — Гильдебрантъ и его адъюнктъ Альфонскій, по акушерству—Розенко и затѣмъ Рихтеръ. Уломяну что профессоры Фишеръ и Рейсъ, а въ медицинскомъ факультетѣ почти всѣ профессоры главныхъ спеціальныхъ наукъ читали лекціи на латинскомъ языкѣ. Съ послѣднимъ медицинскіе студенты, и очень худо его знающіе, скоро освоивались, особенно послѣ лекцій на первомъ курсѣ Лодера, которыя по простотѣ языка и терминологіи дѣлались вполнѣ доступными ихъ пониманію чрезъ мѣсяцъ или два. Замѣтимъ еще что всѣ естественныя науки преподавались отдѣльно для медицинскихъ студентовъ, съ примѣненіемъ къ медицинѣ, достойно-уважаемыми преподавателями: зоологія, ботаника и минерологія—профессоромъ Ловецкимъ, физика—лекторомъ Веселовскимъ, химія — лекторомъ Страховымъ. Не мнѣ судить объ ученыхъ трудахъ профессоровъ университета, которые издали не только руководства, но и разныя сочиненія по преподаваемымъ имъ наукамъ, какъ значится въ біографическомъ ихъ словарѣ, изданномъ въ 1855

году, къ столѣтнему юбилею Университета. Они не ограничивались одними замкнутыми стѣнами аудиторій со студентами, но отдавали труды свои на судъ просвѣщеннаго общества и своихъ собратій по наукѣ. Университетъ на свой счетъ издавалъ три ежемѣсячные журнала подъ редакціей своихъ профессоровъ: Каченовскаго—*Вѣстникъ Европы*, Гавриловва—*Историческій, Статистическій и Географическій Сборникъ* и Двигубскаго—*Магазинъ Естественныхъ Наукъ**. При университетѣ состояли ученыя общества: Испытателей Природы, Исторіи и Древностей Россійскихъ и Любителей Россійской Словесности, которыя также издавали свои бюллетени и журналы. Важнымъ пособіемъ для книгопечатанія служила Университетская Типографія, доходы которой какъ отъ печатанія книгъ, такъ и отъ изданія *Московскихъ Вѣдомостей*, нетолько покрывали сверхштатные расходы университета, но и служили источникомъ для распространенія и умноженія учебныхъ пособій и къ постройкѣ новыхъ зданій. Въ 1826 году приходъ типографской суммы простирался до 470.000 рублей ассигнаціями, а расходы по типографіи и изданію до 303.000 рублей, и затѣмъ остатокъ до 160.000 руб. обращенъ въ процентныя бумаги. Всего капитала типографской суммы было въ сохранной казнѣ Московскаго Воспитательнаго Дома къ 1827 году до 787.000 руб.

Продолжимъ объ учебныхъ занятіяхъ профессоровъ, адъюнктовъ и лекторовъ. Каждый изъ нихъ въ росписаніи лекцій обязанъ былъ указать руководства** которымъ онъ слѣдовалъ, если не имѣлъ собственныхъ имъ изданныхъ. Читали обыкновенно по три лекціи въ недѣлю, по одному часу; а двухчасовыя лекціи назначались только для тѣхъ наукъ преподаваніе коихъ соединялось съ практическими упражненіями. Такимъ образомъ студенты были заняты утромъ три и не болѣе четырехъ часовъ, а вечеромъ не болѣе двухъ. Скажу про себя что прослѣдивъ внимательно три часа разнородныя лекціи въ душной атмосферѣ устроенныхъ амфитеатромъ аудиторій и дѣлая замѣтки главныхъ мыслей

---

* За редакцію получали: Каченовскій по 200 р., Гавриловъ по 125 р. и Двигубскій по 100 р. за каждую книжку. Всѣ журналы и газеты для этихъ изданій выписывались на счетъ университета.

** Этими руководствами, на иностранныхъ языкахъ, студенты по незнанію языковъ обыкновенно не пользовались.

профессора карандашомъ на бумагѣ на колѣнахъ, я чувствовалъ себя крайне утомленнымъ чтобы внимательно слѣдить за четвертою лекціей. Повторю что аудиторіи были наполнены студентами.

Прибавлю что въ то время не много было въ университетѣ студентовъ изъ богатыхъ дворянъ. Тѣ получали образованіе въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, который до 1822 года пользовался преимуществомъ выпускать отличныхъ воспитанниковъ съ правомъ на X классъ, между тѣмъ какъ кандидаты университета получали только XII классъ. Съ 1822 года эти права были уравнены. Помню что профессоръ Василевскій неоднократно говорилъ намъ что мы и учимся и служимъ, такъ какъ съ университетскимъ аттестатомъ чрезъ три года получимъ чинъ, который установленнымъ порядкомъ можно заслужить не прежде шести, девяти и болѣе лѣтъ, смотря по сословію.

Контроль профессоровъ надъ занятіями въ университетѣ студентовъ, въ продолженіи всего учебнаго курса, заключался въ перекличкахъ по спискамъ студентовъ въ разное время предъ началомъ лекціи; при чемъ профессоръ внимательно взглядывалъ на отвѣчающаго „здѣсь“; въ репетиціяхъ, ежегодно по нѣскольку разъ и особенно предъ окончаніемъ курса; въ подачѣ сочиненій на заданныя темы. Нѣкоторые профессоры заставляли также того или другаго студента объяснять кратко содержаніе предшествовавшей лекціи, предъ началомъ новой. Отмѣтки свои по этимъ контрольнымъ испытаніямъ профессоръ безъ сомнѣнія принималъ въ соображеніе при окончательномъ экзаменѣ. Кромѣ общихъ учебныхъ пособій у студентовъ живущихъ въ университетѣ для научныхъ занятій находились отдѣльныя библіотеки по предметамъ всѣхъ факультетовъ, которыя ежегодно пополнялись покупкою на счетъ университета, пожертвованіями частныхъ лицъ и изданными профессорами сочиненіями и руководствами. Кто хотѣлъ, тотъ могъ найти всѣ полезныя для него книги для чтенія. Студенты могли получать книги и изъ университетской библіотеки по запискамъ профессоровъ. Другія учебныя собранія, какъ-то: музей естественной исторіи, физическій кабинетъ, анатомическій музей, собраніе монетъ и медалей, техническое собраніе и Ботаническій Садъ посѣщали студенты вмѣстѣ съ завѣдующими этими учрежденіями, которыя были открыты

и для публики въ опредѣленные дни и часы. Студенты медицинскаго факультета, кромѣ превосходнаго по тогдашнему времени анатомическаго кабинета, купленнаго по высочайшему повелѣнію у лейбъ-медика Лодера за 125.000 рублей и постоянно умножавшагося новыми препаратами самого Лодера и его прозектора Гумбурга и сторонними пріобрѣтеніями, пользовались для своего практическаго образованія учебными клиниками. Несмотря на незначительное число кроватей, клиники, подъ управленіемъ своихъ знаменитыхъ дѣятелей: Мудрова, Гильдебранта, Ризенко и Рихтера, приносили ожидаемую отъ нихъ пользу и учащимся и городскому обществу. Въ 1826—27 учебномъ году въ клиникахъ было больныхъ на 44 кровати 228, изъ коихъ умерло 15. За совѣтами и рецептами приходило 703, а въ повивальномъ институтѣ (на шесть кроватей) разрѣшилось отъ бремени 228 роженицъ, изъ коихъ умерло двѣ. Замѣчательно что въ клиникѣ не было фельдшеровъ, и всѣ фельдшерскія обязанности возлагались на студентовъ, которые такимъ образомъ пріучались къ первоначальнымъ практическимъ пособіямъ больнымъ, необходимымъ для самостоятельной дѣятельности въ званіи врача.

Приводя эти подробности по учебной части университета, нельзя не сказать о важной реформѣ совершившейся по административной части въ 1826 и особенно въ 1827 году. Ближайшее начальство перемѣнилось. На мѣсто попечителя князя А. П. Оболенскаго назначенъ генералъ-майоръ Писаревъ; въ ректоры на мѣсто Антонскаго вступилъ профессоръ Двигубскій, а въ инспекторы на мѣсто Сандунова — профессоръ Чумаковъ. На лекціи профессоры должны были являться въ форменныхъ фракахъ изъ синяго сукна съ малиновымъ воротникомъ и гербовыми луговицами. Студенты и на лекціяхъ и внѣ университета обязаны были носить по утвержденной формѣ вицмундирные сюртуки съ гербовыми луговицами и малиновымъ воротникомъ, а казенные и логончики на воротникахъ; въ торжественные же дни выходить въ мундирахъ съ золотыми петлицами, при шлагахъ и въ трехугольныхъ шляпахъ. Вновь вступающіе въ студенты давали подписки о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, о хожденіи въ форменной одеждѣ и ручательство за благонадежность поведенія. Появился постоянный карцеръ для заключенія виновныхъ въ проступкахъ внутри и внѣ университета. Очень непріятно и тяжело было и одинъ день просидѣть въ этой

почти темной комнатѣ на хлѣбѣ и водѣ. Казенные воспитанники вмѣсто жалованья все нужное стали получать въ натурѣ. Живущіе въ университетѣ студенты не могли отлучиться безъ особаго билета отъ инспектора. Театры и другія вечернія увеселенія признаны для студентовъ вредными и отвлекающими ихъ отъ учебныхъ занятій, а потому отпускные билеты выдавались на срокъ не позднѣе 10 часовъ вечера.

Въ послѣдствіи эти строгости мало-по-малу смягчались и молодымъ людямъ оказывалось сколько возможно снисхожденіе, тѣмъ болѣе что они никогда не проявляли никакихъ такъ-называемыхъ нынѣ манифестацій и демонстрацій противъ распоряженій начальства, но умѣли и обходить ихъ при случаѣ, не подвергаясь отвѣтственности. Студенты были довольны своею форменною одеждой, отличившею ихъ отъ прочихъ жителей. Щеголи дозволяли себѣ, вмѣсто кантовъ на борту вицмундира, нашивать и лацканы малиновымъ сукномъ, и такимъ образомъ отворачивая ихъ внѣ университета, на гербовыя луговицы, накидывая шинель съ такимъ же воротникомъ, долгое время представляли какихъ-то военныхъ офицеровъ. Часовые отдавали имъ честь, а полицейскіе служители безпрепятственно пропускали ихъ на всѣ общественныя гулянья. Молодежь этимъ тѣшилась. Новый попечитель Писаревъ, желая ближе ознакомиться съ университетомъ и студентами бывалъ въ аудиторіяхъ и въ студенческихъ нумерахъ, и завелъ обычай чтобы каждое воскресенье и праздничный день у него обѣдали приглашенные профессоры, и по два воспитанника Университетскаго Благороднаго Пансіона, и по два студента изъ живущихъ въ университетѣ; воспитанники и студенты въ мундирахъ; за ними присылалась карета. Одинъ разъ и мнѣ по очереди пришлось быть на попечительскомъ обѣдѣ. Домъ Писарева былъ на Чистыхъ Прудахъ, гдѣ нынѣ правленіе IV округа Путей Сообщенія. Онъ жилъ, какъ говорится, на барскую ногу. Богато меблированныя, украшенныя картинами, бюстами, вазами съ цвѣтами комнаты и роскошный обѣдъ на 40 или 50 кувертовъ съ оживленными свѣтскими разговорами, конечно произвелъ на насъ особаго рода впечатлѣніе, но скажу про себя откровенно, несмотря на всю эту изящную обстановку и на ласковое вниманіе попечителя, я былъ радъ уѣхать послѣ обѣда домой, чувствуя что нахожусь совсѣмъ не въ своей сферѣ.

Новые ректоръ и инспекторъ были люди благодушные, но не имѣли тѣхъ административныхъ способностей, которыми обладали ихъ предшественники и главное — прежней власти и вліянія при новыхъ особыхъ распоряженіяхъ высшаго начальства. При измѣненіяхъ университетскихъ порядковъ, мы въ концѣ 1825 и въ 1826 годахъ были свидѣтелями важныхъ государственныхъ событій. Неожиданная кончина императора Александра I, присяга старшему брату его Константину Павловичу и восшествіе на престолъ императора Николая Павловича и въ нашемъ студенческомъ кружкѣ возбуждали толки о будущихъ судьбахъ Россіи. Въ приходской университетской церкви Св. Великомученика Георгія профессоры и всѣ студенты присягали императору Константину Павловичу, который отрекся отъ престола. Къ присягѣ не приводили студентовъ, какъ учащихся, при восшествіи на престолъ императора Николая I. Въ декабрѣ тѣло въ Бозѣ почившаго императора привезено было въ Москву и поставлено въ Архангельскомъ соборѣ со всѣми императорскими регаліями. Войти въ соборъ нашему брату не было возможности. Кремль былъ наполненъ постоянно народомъ, а около собора и внутри его безпрерывно собирались и смѣнялись высшіе государственные сановники при многочисленной свитѣ и чинахъ полиціи. Погребальную процессію отъ собора по Тверской улицѣ я видѣлъ изъ окна одного дома. Зрѣлище величественное и тяжело грустное. Съ обѣихъ сторонъ улицы стояли войска въ полной формѣ, за ними тысячи народа, и всѣ окна, двери, чердаки и выстроенныя мѣста унизаны зрителями. При этой массѣ людей сохранялось гробовое молчаніе и были только слышны заупокойное пѣніе пѣвчихъ, похоронные марши полковыхъ музыкантовъ, отдаленные медленные залпы пушекъ и заунывный перезвонъ церковныхъ колоколовъ. Процессія двигалась по улицѣ. Всѣ корпораціи города съ своими значками шли впереди, за ними всѣ члены правительственныхъ учрежденій, начиная съ низшихъ мѣстъ до сенаторовъ, въ полныхъ мундирахъ, съ накидкою по случаю морознаго времени плащей, съ открытыми головами, разумѣется въ теплыхъ шарикахъ, затѣмъ слѣдовала колесница запряженная въ восемь лошадей съ гробомъ императора, за ней многочисленное духовенство, военный генералъ-губернаторъ и знатнѣйшіе военные и придворные чины, а за слѣдующимъ раз-

нообразнымъ военнымъ конвоемъ безчисленная толпа народа. Весь кортежъ носилъ глубокій трауръ, но невыразимый трауръ былъ и въ сердцахъ всѣхъ классовъ народа. Послѣ этой печальной церемоніи въ Москвѣ прекратились всѣ публичныя и частныя увеселенія. Вездѣ и на всѣхъ встрѣчались черныя платья, флеръ на рукахъ, шляпахъ, эполетахъ, оружіяхъ. Дамы носили черные браслеты съ вырѣзанными словами: „Нашъ Ангелъ на небеси“. * Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Москва приняла праздничный видъ. Императоръ Николай Павловичъ съ царственною семьей и своимъ дворомъ прибылъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Петровскій дворецъ. Въ Москвѣ начались приготовленія къ торжественному въѣзду императора въ первопрестольную столицу и къ священному коронованію. Москва оживилась съ пріѣздомъ двора и съ приходомъ императорской гвардіи. Что это были за молодцы гвардейцы! Бывало встрѣтишь на улицѣ какого-нибудь преображенца или кирасира и особенно кавалергарда въ его бѣломъ мундирѣ, блестящей каскѣ съ орломъ, панцырѣ, высокихъ ботфортахъ, съ огромнымъ палашомъ, невольно сторонишься и съ изумленіемъ смотришь на ихъ необыкновенный ростъ, сложеніе и обмундировку, сознавая что предъ нимъ ты какой-то лигмей. Торжественный въѣздъ императора изъ Петровскаго дворца въ Москву былъ въ полномъ смыслѣ достойный Россійскаго самодержавнаго монарха. Устроенныя мѣста въ огромныхъ размѣрахъ отъ самаго дворца до Кремля, на полѣ, Тверской улицѣ, на площадяхъ и особенно около Гостинаго Двора, были усѣяны нарядными зрителями, заплатившими за свои мѣста значительную плату: каждое отдѣльное окно въ домахъ по Тверской улицѣ нанималось, какъ говорили, за цѣну отъ пятидесяти до ста рублей. Затѣмъ массы народа наполняли всѣ промежутки которые могли только остаться внѣ черты церемоніальнаго шествія. Я смотрѣлъ процессію изъ той же квартиры на Тверской улицѣ, на которой всѣ дома изукрашены были флагами, драпировками, вензелями, цвѣтами, а въ окнахъ стояла лучшая публика города. Въ то же время, признаюсь, со страхомъ и изумленіемъ видѣлъ какъ простые люди головами внизъ покрывали крыши домовъ, вѣроятно на привязанныхъ къ трубамъ веревкахъ. На улицѣ разставлены

* Слова императрицы Елисаветы Алексѣевны.

были гвардейскіе полки. Я теперь не могу и приблизительно описать весь царственный парадъ шествія и многочисленныхъ лицъ въ немъ участвовавшихъ, но живо вспоминаю какъ раздавались вдали оглушительные крики и по мѣрѣ приближенія императора на конѣ съ великолѣпною свитой рядомъ съ золотыми каретами въ которыхъ находились императрица Александра Ѳеодоровна и вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, тысячи голосовъ войска и народа гремѣли *ура*, при лушечной пальбѣ въ Кремлѣ, при звонѣ колоколовъ во всѣхъ московскихъ церквахъ, при тріумфальной музыкѣ гвардейскихъ оркестровъ съ барабаннымъ боемъ. Картина незабвенная для молодаго человѣка! Священное коронованіе совершилось 22го августа. Разумѣется нашему брату невозможно было пробраться и въ Кремль, гдѣ мѣста около Успенскаго собора продавались по баснословной цѣнѣ. Наше любопытство и удовольствіе ограничилось внѣшнею стороной города. Трехдневная иллюминація поражала своимъ великолѣпіемъ. Кремлевскія стѣны съ ихъ оригинальными башнями, колокольня Ивана Великаго съ короною у креста, церковь Василія Блаженнаго, Кремлевскій Садъ, были залиты изящнымъ освѣщеніемъ сверху до низу; всѣ улицы, дома, сіяли какъ огненная рѣка, съ громадными транспарантами и вензелями съ разноцвѣтными огнями; особенно отличался богатѣйшею иллюминаціей домъ Шепелева на Вшивой Горкѣ, въ которомъ помѣщался англійскій посланникъ герцогъ Девонширскій. Безчисленные экипажи и массы народа запружали въ вечернее время улицы, особенно около Кремля, а въ садъ, гдѣ играли нѣсколько оркестровъ полковой музыки, въ сгущенную массу гуляющихъ, не всякій рѣшался прорваться. Государь съ императрицей и со свитой объѣзжали въ экипажахъ около Кремля, при оглушительныхъ восклицаніяхъ народа бѣжавшаго за его коляской. Послѣдовавшія затѣмъ празднества во дворцѣ, у посланниковъ, въ театрѣ, Дворянскомъ Собраніи, были для насъ недоступны и мы получали объ нихъ понятіе изъ газетъ. Но я былъ свидѣтелемъ народнаго праздника на Дѣвичьемъ Полѣ, стоя съ товарищами въ отдаленномъ уголку. Среди этой громадной площади, почти до самаго монастыря, устроены были въ нѣсколько рядовъ длинные столы, накрытые бѣлыми скатертями, со скамейками для сидѣнья. На этихъ столахъ установлено

было безчисленное количество разрѣзанныхъ на куски окороковъ, говядины, телятины, барановъ съ золотыми рогами, пироговъ, колбасъ, сыровъ и прочаго, а по срединѣ столовъ возвышались пирамидами разныя печенья. Въ интервалахъ между столами находились фонтаны съ бассейнами краснаго и бѣлаго вина. За столами въ разныхъ мѣстахъ помѣщались открытые увеселительные балаганы, каруселя, качели, столбы съ сюрпризами, труппы волтижоровъ и прочее, съ музыкою и пѣсенниками. Всѣ эти принадлежности обѣда и гулянья украшались высокими разноцвѣтными флагами и цвѣточными гирляндами. Собравшійся народъ, какъ писали до ста тысячъ, въ праздничной своей одеждѣ, стоялъ за веревками ограждавшими столы окруженные полиціей и жандармами. По пріѣздѣ императора со свитою и при громовыхъ крикахъ *ура* былъ поднятъ флагъ у царскаго павильйона, веревки сняты и лущены фонтаны съ виномъ. Не прошло и минуты, какъ на столахъ все было разобрано, и на нихъ бѣгали уже посѣтители, обирая остатки. Фонтаны запружены народомъ. Ковшей конечно не достало, берутъ шапками, шлялами, льютъ лежа прислонившись къ бассейну, нѣкоторые столкнутые въ нихъ и купаются. Государь со свитой скоро уѣхалъ. Когда ничего не было на столахъ и фонтаны перестали бить виномъ, народъ бросался къ увеселительнымъ зрѣлищамъ, но часть массы начала срывать бѣлье со столовъ, ломать самые столы, а нѣкоторые покушались содрать и красное сукно которымъ былъ покрытъ царскій павильйонъ. Кричали что здѣсь они хозяева и все отъ царя-батюшки ихъ, но при павильйонѣ разгулявшіеся встрѣтили отпоръ казакавъ, которые смѣльчаковъ отталкивали тупыми концами пикъ. Увидавъ что праздникъ принимаетъ буйный характеръ, я поскорѣе по-добру по-здорову отправился домой по Пречистенской улицѣ, и по дорогѣ видѣлъ, какъ каждый возвращавшійся несъ что-нибудь съ царскаго стола. Особенно дорожили золотыми рогами барановъ, а нѣкоторые на плечахъ тащили колья, бревна, доски, которые однакожь у бутокъ были отбираемы буточниками. Говорили, и весьма вѣроятно, что на этомъ праздникѣ было много несчастныхъ случаевъ, при столь громадномъ стеченіи народа, какъ было и прежде, когда въ Кремлѣ бросали народу серебряные жетоны, выбитые по случаю коронованія. Государь императоръ, послѣ празд-

ествъ и смотра войскъ съ маневрами на Ходынскомъ полѣ' осматривалъ казенныя учрежденія и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Университетъ и его Пансіонъ. Объ этомъ знаменательномъ событіи вотъ что̀ сказано въ университетскомъ отчетѣ за 1825—1826 академическій годъ: „Его императорское величество соизволилъ посѣтить Московское святилище наукъ и потомъ Университетскій Пансіонъ 27го сентября. Здѣсь со скромностію любопытнаго посѣтителя и тонкою прозорливостію благонамѣреннаго любителя истиннаго просвѣщенія, бесѣдовалъ онъ съ мѣстными чиновниками о положеніи всѣхъ заведеній находящихся при Университетѣ, съ благодушіемъ неизъяснимымъ изрекъ онъ въ кругу ихъ мудрое желаніе: „видѣть въ воспитанникахъ Московскаго Университета прямо Русскихъ".

Поговоримъ теперь о самомъ важномъ событіи академическаго года, объ экзаменахъ на ученыя степени. Каждый студентъ, слушавшій по табелямъ и спискамъ на ординарныхъ лекціяхъ четыре года въ медицинскомъ и три года въ прочихъ трехъ факультетахъ, имѣлъ право явиться на испытанія для полученія степени или званія. *

Окончательные экзамены производились въ 1827 году съ 14го по 29е іюня во всѣхъ факультетахъ, слѣдовательно съ весьма краткими промежутками времени. На нихъ присутствовали: весь факультетъ, ректоръ и весьма часто попечитель А. А. Писаревъ. Экзамены объявлялись публичными, но въ своемъ факультетѣ я не замѣтилъ на нихъ сторонних лицъ. Студенты вызывались къ экзаменаціонному столу по три и четыре человѣка и брали разложенные билеты, заключающіе вопросы изъ науки, которые никогда предварительно не раздавались по программамъ студентамъ и слѣдовательно не могли быть заучиваемы. Пока одинъ студентъ отвѣчалъ, другіе приготовлялись къ отвѣту по взятымъ билетамъ. Экзаминаторъ предоставлялъ студенту брать и другіе билеты, и затѣмъ по своему списку выставлялъ символическій знакъ, ему одному извѣстный. ** Члены факультета

---

* Своекоштные студенты могли оставаться въ университетѣ неопредѣленное число лѣтъ. Это было уже дѣло родителей и воспитателей, а не университета, какъ нынѣ.

** Офиціальные баллы означались по степени знаній цифрами 1, 2, 3 и 4, а въ медицинскомъ факультетѣ наоборотъ: 4, 3, 2 и 1.

предлагали и съ своей стороны вопросы и дѣлали какъ казалось и свои отмѣтки въ спискахъ, предоставляя себѣ, какъ объясняли, право обсудить результаты экзамена при окончательномъ рѣшеніи факультета о производствѣ въ степени и званія. Дѣйствительно, мы узнавали что недостатки по какому-либо предмету искупались отличными успѣхами въ другой наукѣ, и профессоры приходили къ соглашенію. На этихъ экзаменахъ студентъ выказывалъ всѣ свои учебныя познанія за полный университетскій курсъ и экзаминаторы могли удобно оцѣнить ихъ въ общей сложности. А что степени и званія раздавались съ замѣчательною строгостью и справедливостью, доказательствомъ тому можетъ служить экзаменный отчетъ. Въ 1827 году, во время выпуска моего изъ университета, получили степень кандидата въ нравственно-политическомъ отдѣленіи изъ 57 студентовъ 6; въ физико-математическомъ изъ 16—6; въ словесномъ изъ 24—5. Въ медицинскомъ факультетѣ удостоено званіемъ лѣкаря перваго отдѣленія 33, втораго отдѣленія 13 и третьяго отдѣленія 4. Эти студенты по окончаніи курса и послѣ экзамена отправлены были для усовершенствованія въ медицинской практикѣ, и для узнанія госпитальной службы, казенные—въ Военный Госпиталь, а своекоштные по ихъ выбору въ городскія больницы, и затѣмъ уже по полученіи одобрительныхъ свидѣтельствъ отъ главныхъ докторовъ, утверждались въ званіи лѣкаря. Не знаю бывали ли въ этихъ случаяхъ какія-либо столкновенія между медицинскимъ факультетомъ и докторами госпитальныхъ больницъ.

Дѣйствительные студенты оставались въ университетѣ для полученія кандидатской степени на годъ, кандидаты для достиженія степени магистра на два года. Въ сказанномъ году удостоены кандидатской степени изъ дѣйствительныхъ студентовъ по нравственно-политическому отдѣленію 8; по физико-математическому 1 и по словесному 4. Степени магистра изъ кандидатовъ по нравственно-политическому отдѣленію 3; по физико-математическому 4; по словесному 2. Изъ лѣкарей степени доктора медицины 4. Всего въ университетѣ обучалось въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ: 11 кандидатовъ, 269 студентовъ и 51 слушатель; въ физико-математическомъ: 6 кандидатовъ, 48 студентовъ и 12 слушателей; во врачебномъ: 35 лѣкарей, 267

студентовъ и 31 слушатель; въ словесномъ: 16 кандидатовъ, 102 студента и 41 слушатель. Въ томъ числѣ казенныхъ студеатовъ словеснаго и физико-математическаго факультета 20; казенныхъ воспитанниковъ Медицинскаго Института 100; пансіонеровъ разныхъ вѣдомствъ 28; получавшихъ тогда благотворительныя стипендіи 16. Въ Педагогическомъ Институтѣ, подъ управленіемъ профессора Мерзлякова, состояло: 5 магистровъ и 9 кандидатовъ. На все исчисленное количество учащихся находилось профессоровъ и адъюнктовъ: въ отдѣленіи нравственно-политическомъ 7; физико-математическомъ 11; во врачебномъ 17 и словесномъ 7, и сверхъ того на общихъ лекціяхъ для студентовъ первогодичныхъ, не поступившихъ на ординарныя лекціи, 10 преподавателей, со включеніемъ трехъ лекторовъ новѣйшихъ языковъ. При университетѣ состояли и особые комитеты изъ профессоровъ для цензуры вновь выходящихъ книгъ и для испытанія гражданскихъ чиновниковъ по высочайшему указу 6го августа 1809 года. Въ 1826—27 академическомъ году разсмотрѣно 182 рукописи и удостоено полученія аттестатовъ 13 чиновниковъ. *

Сказавъ объ окончательныхъ экзаменахъ, обращаюсь къ торжественнымъ собраніямъ университета, которыя бывали обыкновенно 12го января, въ день учрежденія Университета, и въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, по окончаніи академическаго года. Изъ нихъ особенно торжественны были послѣднія. На этихъ собраніяхъ университетъ давалъ отчетъ обществу и государству о своей дѣятельности и результатахъ ученія за прошедшій академическій годъ. Здѣсь были налицо и преподаватели и всѣ студенты окончившіе курсъ. Собранія начинались въ шесть часовъ вечера, при многочисленномъ стеченіи высшей московской публики, въ актовой залѣ, которой даже не доставало для посѣтителей. На хорахъ помѣщались оркестръ музыки и хоръ Московскихъ театровъ. Послѣ духовнаго гимна, читались рѣчи и стихи профессорами, а также стихи и благодарственныя рѣчи студентами. Въ промежуткахъ между тѣми и другими чтеніями играла музыка а хоръ пѣлъ патріотическіе гимны.

---

* Всѣ числовыя данныя заимствованы мною изъ офиціальныхъ отчетовъ Университета.

Во время музыки и лѣнія разносились посѣтителямъ чай съ печеньемъ, аршадъ, лимонадъ, мороженое, фрукты и конфеты. * Но особенный эффектъ въ собраніи производила раздача свидѣтельствъ на ученыя степени и званія, золотыхъ и серебряныхъ медалей за лучшія сочиненія студентамъ. Секретарь университетскаго совѣта изъ профессоровъ, послѣ прочтенія учебнаго отчета за минувшій годъ, возглашалъ по очереди имена удостоенныхъ степени кандидата, званія дѣйствительнаго студента и лѣкаря. Каждый изъ нихъ, въ мундирѣ, при шпагѣ и трехугольной подъ мышкою шляпѣ, подходилъ получать свой дипломъ изъ рукъ митрополита Филарета, который вручая ему дипломъ благословлялъ его съ нѣсколькими напутственными словами, а медали раздавалъ московскій генералъ-губернаторъ Д. В. Голицынъ. Во время выхода и полученія диплома каждому изъ окончившихъ курсъ и получившихъ медали оркестръ игралъ на трубахъ и литаврахъ тушъ. Какъ хотите, а для молодаго человѣка, на первыхъ порахъ его жизни, такая публичная награда за успѣхи и поведеніе была очень пріятна, не говоря объ отцахъ и матеряхъ присутствовавшихъ въ собраніи. Отпечатанныя въ Университетской Типографіи особыми книжками рѣчи, стихи, гимны и отчетъ, раздавались всѣмъ щедрою рукой и ни одинъ студентъ не выходилъ безъ книжки для него всегда интересной. По окончаніи собранія посѣтители разсѣивались по огромнымъ боковымъ заламъ для осмотра находящихся въ нихъ разныхъ учебныхъ пособій. Такъ было и въ 1827 году, когда мы окончили университетскій курсъ и мы вышли за ворота университета съ радостію, имѣя въ рукахъ столь дорогой для нашей будущности университетскій дипломъ, но съ грустію покидая свою свободную студенческую жизнь, всегда оживленную взаимными бесѣдами и пріятными научными трудами. Мы сознавали что вынесенныя нами изъ университета познанія должны быть для насъ опорою и руководствомъ при поступленіи въ государственныя или общественныя должности. Это будущее было мрачно: кто могъ знать какъ и куда поведетъ его судьба въ житейское море? Но я вполнѣ убѣжденъ что всѣ мои

* Издержки на собранія 12го января и по окончаніи курсовъ простирались въ 1826 году до 1.400 р., а въ 1827—до 2.000 р.

сверстники, гдѣ бы они ни служили, съ любовію и благодарстію вспоминаютъ бывшихъ своихъ наставниковъ въ университетѣ, которые по мѣрѣ своихъ силъ и дарованныхъ имъ правительствомъ средствъ, исполняли добросовѣстно свой священный долгъ руководить юношество къ пріобрѣтенію полезныхъ знаній, возбуждая ихъ къ чувствованію истины, правды, добра.

Закончимъ наши студенческія воспоминанія о трехгодичномъ пребываніи въ Московскомъ Университетѣ словами изъ стихотворенія незабвеннаго нашего наставника А. Ѳ. Мерзлякова, произнесенными имъ въ торжественномъ собраніи, по случаю празднованія семидесятилятилѣтняго юбилея Университета въ 1830 году: *

Цвѣти нашъ Вертоградъ священный,
Крѣпися въ силахъ, зрѣй въ плодахъ;
Какъ былъ, пребуди неизмѣнный
Общественныхъ источникъ благъ!
Подъ Николаевымъ покровомъ
Явись въ обильи, блескѣ новомъ!
Да будетъ сей нашъ юбилей
Залогъ твоихъ усилій, рвенья,
Любви къ добру, благодаренья,
Залогъ успѣховъ и честей.

М. НАЗИМОВЪ.

* Это сочиненіе было послѣдняя его лебединая пѣснь. Онъ умеръ въ 1831 году.